

МОН МЕЛЯР

МАКСИМ БЕНУА - ЛЮКРЕ

Максим Бенуа-Дюкре Монмеляр

<https://litres.ru/74548563>

SelfPub; 2026

Аннотация

После четырёх месяцев жизни в маленькой комнате Адриан Брим узнаёт о странном месте за одним из лесов, где ещё в 1988 году бесследно исчез мэр города N. Перед исчезновением он утверждал, что видел там «вельтов» — людей, которых уже никто не должен был встретить.

Преодолевая страх повторить судьбу политика, Адриан отправляется через лес и оказывается в городе из прошлого. Там он надеется встретить свою умершую жену. Но для этого ему предстоит убить себя.

В городе его ждут вещи, которым он не находит объяснения. Там ему задают странные вопросы и просят доказать, что Бога нет в черве под ногами. Но чем дольше Адриан остаётся в этом городе, тем страннее становится уже его собственное присутствие в нём.

Содержание

Часть первая	4
«Пролог»	4
Глава I «Каморка Адриана Брима»	8
Глава II «Тень милосердия»	20
Глава III «Тайна Уильяма Хью»	35
Глава IV «Закусочная»	50
Глава V «Ворон и варенье»	71
Глава VI «Вогезский лес»	86
Глава VII «Неспешный вапоретто»	100
Глава VIII «Память»	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Монмеляр

Часть первая

«Пролог»

Мало кто из жителей государства Z знает, что на самом деле означает слово «вельт». В обиходе им называют человека, которого встречают там, где он уже не должен находиться. Почти все считают, что вельт — это копия, версия или клон другого человека, однако подобное представление ошибочно. Несмотря на внешнюю простоту, значение слова «вельт» не сводится к его обиходному употреблению.

Вельт (V) — условное обозначение человека, наблюдаемого в состоянии, соответствующем уже прошедшей временной точке, при сохранении численного тождества с собой в настоящем.

Это можно выразить следующим образом:

$$V \equiv A$$

Не каждый понимает это сразу. Поэтому в государстве

З появился народный пример, проясняющий картину. Этот пример, естественно, весьма затёртый, но тем не менее понятный и ещё не знакомый читателю:

Представим мраморную статую, которая в древности была безупречной, а спустя века покрылась трещинами и сколами. Тот античный шедевр и это полуразрушенное изваяние — не разные объекты и не копии друг друга. Это один и тот же мрамор.

Принцип вельта основан на том же тождестве. Разница лишь в том, что это прошлое не изучается по обломкам, а наблюдается непосредственно.

Иными словами, вельт — это прошлое того, кто на него смотрит. Он — тот же человек. Только раньше. Именно с темой вельтов связана следующая история:

Окраина города тонула в беспросветном омуте ненастной ночи. Отрезанный от остального мира стеной проливного дождя, у самой кромки векового леса замер магазин. На его задворках, в полумраке зоны разгрузки фур, где пахло мокрым картоном и прелой землёй, укрылся некто.

Он сидел на стопке старых, потемневших от сырости деревянных паллет, почти сливаясь с мусором. Сгорбившись,

несчастный упёрся локтями в колени и мёртвой хваткой стиснул голову, словно пытался продавить свой череп. Прямо над ним, над тяжёлой железной дверью служебного входа, тускло горела одинокая лампа. Её ядовито-жёлтый свет изливался на его дрожащие руки и тело, обнажая подробности его мучений: пергаментную кожу, вздувшиеся на лбу багровые вены и судорожно скрюченные пальцы, глубоко зарывшиеся в спутанные волосы.

Из его мокрых глаз непрерывным потоком струились слёзы, но то были не капли скорби, а сам, парализующий ужас, исходивший из глубины поражённого разума. Когда рыдания стихали, этот неизбывный кошмар оставался в его расширенных зрачках, точно безумный зверь, запертый за влажным, поблёскивающим стеклом. Человек лихорадочно моргал, силился укрыть этот взгляд в удушливой темноте и грязи под ногами, но новая волна безумия накатывала с прежней силой, и он вновь заходил в беззвучном, удушающем плаче. Пальцы в слепом исступлении рвали волосы на затылке, выдирая их целыми пучками, оставляя на ладонях кровавые пряди.

Но всякому человеческому страданию есть предел. В какой-то неувловимый миг внутреннее пламя, терзавшее его, достигло наивысшей точки — и погасло. Внутри него будто истлело нечто последнее, связывавшее его с живыми. Су-

дорожные рыдания сделались тише и обратились в почти неслышный хрип, пока и вовсе не растворились в ночи.

Настала тишина.

Медленно, с едва слышным скрежетом, сомкнулись его сведённые судорогой челюсти. Лицо искривилось. Дикая злоба проступила в его глазах, но уже в следующее мгновение исчезла, сменившись пугающе мертвенным спокойствием. В полумраке на его лице не осталось слёз и прежних следов терзаний.

Он поднялся с гниющих досок, распрямил исхудавшее тело и обратил взор к беспросветной чаще, откуда он пришёл лишь малую долю часа назад. Что-то гнало его обратно — туда, под сень чёрных деревьев, где свершилось нечто, едва не лишившее его рассудка.

Шаг. Другой. И прежде чем окончательно кануть в объятия лесного сумрака, на его бледном лице, сменяя маску безразличия, медленно разверзлась жуткая улыбка. Ещё мгновение, и его тёмный силуэт безвозвратно растворился среди искривлённых, точно корчащихся в мучениях стволов.

Глава I «Каморка Адриана Брима»

Всё началось с того, что человек по имени Адриан Брим проснулся в своей каморке. Это было немного странно, поскольку Адриан совершенно не походил на людей, живущих в каморках. Выглядел он как классический британец, а из-за глубоко посаженных серых глаз и густых, низких бровей его взгляд казался особенно умным и интеллигентным. Нос у него был тонким, а скулы — высокими и четко очерченными, так что даже сквозь бороду была заметна рельефная структура лица. К тому же сочетание мягких каштановых волос и рыжеватой бороды делало его очень похожим на жителя туманного Альбиона. Хотя таковым он не являлся.

Он был гражданином государства Z, где говорили преимущественно на французском и английском, а названия улиц дублировались на обоих языках. По тому же принципу здесь спокойно соседствовали люди с именами Эшли Дэвис и Пьер Решар. Но, несмотря на всю аристократичность Англии и Франции, государство Z напоминало больше жалкий и порабощённый кусок почвы. Когда-то оно получило независимость, но скорее всего с зависимостью было бы лучше. Подавляющее большинство населения государства было небогатым или, проще сказать, «бедным». Адриан тоже теперь

был небогатым и свою каморку с некоторых пор называл домом. «С некоторых пор» означало уже четыре месяца, которые, по его мнению, прошли ужасно. Под «каморкой» подразумевается обычная каморка, но даже не похожая на тесную комнату. Она была не только маленькой, но и находилась в старом многоэтажном доме, в трущобном районе города N.

Город сам по себе был неплохим, но районы, как и в каждом городе, бывают плохие и хорошие. Собственно, Адриан жил в плохом. Днём здесь бродили старушки со старческим маразмом и примесью мелочного любопытства. По ночам же давали о себе знать местные пьяницы и бездомные. Они и днём давали о себе знать, не стесняясь своего упадка. Но именно по ночам теряли всякий стыд: кучковались под окнами, точно крысы, и безумно смеялись. Примечательно, что в государстве Z, особенно в городе N, алкоголь продавался круглосуточно. Но, судя по всему, более-менее нормальных обывателей конкретно этого района всё устраивало. Нельзя сказать, что они были нормальными. Просто находились в здравом уме, чтобы сообразить, где находятся. И их понимание сводилось к довольству своей судьбой и положением.

Если же говорить о недостатках политики данного города (а не только круглосуточной продажи спиртного), мы можем составить целый список в два или три листа. Так, одним из

минусов или даже странностей был строгий запрет на «самовольное благоустройство» вроде покраски облезших скамеек или латания ям во дворах. За такое обычно грозил солидный штраф. При этом городские службы годами не приезжали на вызовы, ссылаясь на отсутствие финансирования. Хотя некоторые здания и, видимо, весьма важные, проектировались и строились за огромные деньги. Здесь возвели стадион, палеонтологический музей и даже семь небоскребов в самом центре города.

По мнению большинства нормальных жителей, бюджет распределялся крайне глупо, отчего многие находились в предвкушении выборов нового мэра. В городе действительно царила суета, и Адриан только за вчерашний день успел наткнуться пять раз на промоутеров. Те же выполняли свою работу качественно и давали в руки каждому прохожему листочка три, чтобы точно проголосовал. И теперь у Адриана на столе лежало целых одиннадцать листовок. Одиннадцать потому, что не все давали именно три, и некоторые Адриан уже выбросил.

Ещё лёжа на кровати, он как раз поглядел на стол. Старый пластиковый будильник часто показывал совсем не то, поэтому смотреть на него было бессмысленно. Но Адриан и так чувствовал, что время уже не раннее и, возможно, даже часа два. К счастью, он обладал хорошим зрением и узнавал вре-

мя просто, глядя в маленькое окошко своей каморки. Там, напротив, стоял другой дом — тоже старый и кирпичный, почти впритык. Между ними было буквально метров шесть, и Адриан мог спокойно разглядеть настенные часы в чужой квартире. Так он узнавал, который час. Если бы позволяли обстоятельства, он мог бы купить новый будильник или отнести этот в ремонт. Но это, естественно, требует денег, которые в первую очередь копились на оплату этого помещения. И Адриан боялся как огня, что если купит вещь, без которой и так можно прожить, то средств может не хватить на аренду. Поэтому жил он строго по правилу, суть которого заключалась в полном сбережении денег на оплату, и только потом на безделушки. «Потом» значит тогда, когда на аренду точно хватило и теперь можно не беспокоиться о выселении. Но, к сожалению, «потом» обычно наступало под конец месяца, отчего Адриан, собственно, ничего особого себе не покупал.

На его столе, вышеупомянутом, лежали не только листовки, но и коробка чая. Разумеется, дешёвого. Рядом стоял чайник с простым металлическим корпусом. Над ним висела ничтожная реплика картины «Крик» норвежского художника Эдварда Мунка. Когда Адриан сюда переехал, эта картина так и висела над столом. И, глядя на нее, он всегда видел себя в этой кричащей фигуре. На его взгляд, она точно выражала его состояние с тех пор, как не стало Лотти... Думалось ему

убрать её куда-нибудь в угол, но так и прожил четыре месяца, даже не прикоснувшись к ней. Хоть с ней, хоть без нее, он думал и знал, что ничего не изменится. Разве можно, сняв картину со стены, вернуть свой двухэтажный дом, в котором запретили жить? Адриан тоже думал, что нет. А запретили ему по ужасно глупой причине, о которой будет упомянуто чуть позже.

После запрета на проживание в своем доме он остался с дурацкими долгами, отчего был вынужден продать все вещи и даже телефон, чтобы расплатиться. Денег хватило, но осталось ровно достаточно для снятия этой старой комнаты. Не столько старой, сколько неухоженной. Обклеенная блекло-красными обоями, она выглядела неумолимо жалко. Была она примерно семь шагов от двери до окна и четыре шага от кровати до стола. Естественно, будь комната пустой. Но с учетом мебели в этой будке, он делал всего полшага.

Полежав ещё немного, глядя в потолок, он поднялся с кровати и по привычке заправил постель. Правда, в последнее время он подумывал, что перестанет это делать — слишком бесполезное занятие. Припомнились ему тараканы, которых отчаянно давил, когда только приехал сюда. Унизительно ему было спать в таком помещении, поэтому изо всех сил боролся. Теперь же их здесь не водилось в таких количествах, но всё-таки пробегали. Адриан уже бросил эту

борьбу, понимая, что всё бессмысленно. И кровать собирать бессмысленно, и тем более как-то лень. Думал он даже, что вообще выбросит ее и будет спать на полу, так как была она только чуть-чуть помягче. Матрас был крайне тонким и больше напоминал плед, из-за чего Адриан спиной ощущал каждую деревянную перекладину каркаса. К слову, некоторые перекладины были сломаны, и это Адриан тоже чувствовал. Единственный плюс этой куцкой кровати был в том, что она не скрипела, потому что скрипеть было нечему. И если бы она ещё и скрипела, то Адриан бы точно её выбросил, даже несмотря на протест арендодателей. Ему и так всегда мешали спать уже упомянутые пьяницы. Они с постоянством собирались прямо под окнами Адриана, живущего на третьем этаже. Конечно, он мог бы закрывать окна, но спать в духоте невозможно. С другой стороны, также невозможно спать от их глупого смеха и укусов комаров. Но Адриан чередовал эти не лучшие расклады, поэтому испытал на себе все недостатки своей новой жизни.

Адриан по обычаю сделал себе чай и уселся за стул. К нему он подошёл, просто шагнув. Не будь этого полушага, обошелся бы без стула — сидел бы за столом на кровати и пил чай. Но нет. Каморка была не настолько тесной, поэтому стул помещался. Он, кстати, был деревянным и нескрипучим, с почти сломанной на спинке спицей. В самом центре сидения виднелся уродливый контур треугольной фор-

мы. Скорее всего, из-за оставленного на стуле утюга бывшими жильцами. Но к этому ставшему стеклянным на ощупь следу или шраму Адриан немного привык. Порой, когда он нервничал или переживал, то, сидя на кровати, ковырял этот сплавившийся рубец.

А теперь он сидел на стуле и глядел на стол, глубокие выбоины и щербины которого, точно клеймо, выдавали его принадлежность такому же жалкому помещению. Рассохшаяся от сырости древесина, идущая трещинами, забитыми утрамбованным мусором, явно выказывала преданность убогим правилам жизни. Среди такой обстановки Адриан ощущал себя не в том месте и, разумеется, мечтал о прошлой жизни, ему привычной. Мечтал о ней за чаем, слава Богу, с сахаром. Без сахара он не любил пить, но некоторые закрома остались в шкафу, стоящем слева от стола. Читатель ещё не знаком с ним, но без долгих пояснений можно описать его как лакированный и сделанный из темного дерева. При открытии правой дверцы издавался противный скрип. На верхней полке у Адриана хранились крупы, сахар, соль, масло и другие немногие продукты, не требующие хранения в холодильнике (холодильник стоял у изголовья кровати и напоминал больше тумбочку с наклейками). Шкаф также служил и прямому назначению — хранил вещи, которые Адриан называл обносками. Хотя эти вещи не выглядели так ужасно, как могло показаться на первый взгляд. На самом деле у Ад-

риана осталась неплохая одежда из «прошлой жизни»: светлые чиносы и черные брюки-карго. Правда, последние ему крайне надоели, так как носил он их очень часто. Некоторое раздражение он испытывал и к своему синему монмелярму. Тот оставался его лучшей вещью, поэтому при выходе на улицу Адриан надевал исключительно его.

И всё же Адриан был даже немного рад своему дорогому монмеляру. Эта вещь очень напоминала обычный джемпер или свитер из полупатентной вязки, но сделана была из многониточного кашемира. Все модели монмеляров обычно изготавливались из дорогих материалов, и, пожалуй, только эта деталь отличала их от обычных свитеров и джемперов.

Допив чай с намазанным на хлеб маслом, Адриан встал из-за стола и выглянул в окно. На улице было пасмурно, словно скоро пойдёт дождь. Хотя внизу под окнами и по всей округе он заметил множество луж, которые, скорее всего, остались после уже прошедшего дождя. И, судя по их количеству, он оказался сильным.

Затем Адриан поглядел на дом, чтобы наконец узнать, сколько времени на часах. Но сделать это не получилось из-за дурацкой тюли на окне соседей. Бывало уже такое. Тем не менее он хорошо определял время по дневному освещению и внутренней интуиции. Порой он вставал утром или днём и

до того, как поглядеть в окно, угадывал, если не точное время, то с разницей около пяти минут. Сейчас он предполагал, что времени должно быть 14:08, но проверить это, к сожалению, не получится. Впрочем, точное время уже давно перестало иметь для него прежнее значение. Раньше два часа дня означали, что он должен был быть где-то, кому-то позвонить или что-то закончить. Теперь же день мог начаться в два, а закончиться тогда, когда ему снова захочется спать.

Адриан снова шагнул к стулу и сел. В его глазах виднелась тоска, а опущенные уголки рта говорили о грусти. Он сидел в тишине, правда, не абсолютной. Стены были сделаны из гипсокартона, поэтому Адриан прекрасно слышал своих соседей. Сейчас, например, кто-то мешал чай, то и дело звонко стуча ложкой по краям чашки. И этот звук скорее вызывал не раздражение, а жуть перед тем, где он оказался. Он смотрел в одну точку, замерев на стуле, и глаза его были пустыми. Но обычно эту пустоту путают с ужасом. Пустота и ужас выглядят одинаково.

Он так и сидел, думая о своем положении, как вдруг нагрянули мысли о Лотти. Тогда его взгляд изменился. Глаза стали осмысленными, ужас сменился горечью. Опущенные уголки рта изогнулись в печальной улыбке.

Вспомнилось ему ее личико — изящный мягкий овал цве-

та золотисто-оливкового, как и ее тонкие ручки и все тело. Он любил её прямые брови и длинные ресницы. Её губы были прекрасны своей естественностью, а улыбка простой, словно детской. Когда она смеялась, то всегда прикрывала ее своими тонкими пальчиками. А Адриан нежно убирал их и говорил: «Мне нравится, как ты смеёшься». Тогда она смущалась и, мило опустив карие глаза, снова улыбалась. И её ладонь опять тянулась спрятать эту улыбку. Адриан заливался смехом и ругал ее за то, что та такая неисправимая. Они обнимались, и он утопал в ее темных и длинных локонах. Обнимал — и чувствовал, как её дыхание щекочет шею.

Тогда он мысленно перенёсся в один жаркий день. Они гуляли по тенистой аллее, и до сих пор его ладони помнили, как держали её смуглые ручки. В тот день дул ветер, и она иногда останавливалась и мило возмущалась, что ветер портит её причёску. Адриан улыбался, и вместе с ним будто улыбалось всё тело, ставшее хранителем странного тепла, которое с ней стало обыденностью. Она сделала чудо повседневностью, которую он любил. Он любил каждый день с ней. И это тепло не уходило.

Она была подобна Солнцу, постоянно дающему тепло и всегда светящему. Так было всегда. Лишь пару раз они ругались, но больше в шутку, чем всерьёз. Он вспомнил, как в кафе они не поняли друг друга, потому что Адриан случайно

заказал латте, а не капучино. Она стала возмущаться и даже обиделась, отвернувшись в сторону, но так, будто просто хотела, чтобы тот взял её за руку и сказал: «Я сейчас закажу другой».

Через минуту он принёс то, что она просила, но позже она призналась, что и латте тоже вкусный. Уголки его губ приподнялись снова, и он так по-доброму глядел, как она пьёт свой кофе. Они посидели немного и вышли к закрытию, и на улице была темнота. Но теплая. Глубокая. Волшебная.

Теперь, когда не получается уснуть, он смотрит с ужасом на ночное небо. В нём он не видит теплоты. Он не видит выхода. Глаза его наполняются криком. Жизнь стала такой же темной, как космос. Такой же холодной.

Он ещё думал о себе и о ней, когда мимо пробежал таракан. Адриан не заметил бы его, если бы тот не вылез на самое видное место. Наглое насекомое выползло прямо на стол и двинулось по его руке. Тогда Адриан стряхнул его обратно на стол и стукнул по нему кулаком что есть силы со всей злобой. Взгляд его остекленел, и выражение лица стало запредельно печальным. Подбородок покрылся бугорками и задрожал — казалось, он едва держался, чтобы не заплакать. Но не заплакал. Просто стиснул зубы и в бешенстве пробил по столу ещё пять раз. Потом пнул по деревянной

ножке стула и, раскидав уже собранное постельное белье, кинулся к двери. Только в коридоре он понял, что не переоделся в уличное. Он вернулся и, одевшись, снова выскочил наружу, даже не заперев за собой дверь.

Глава II «Тень милосердия»

Адриан быстро миновал коридор и общую кухню, после чего спустился по крутой лестнице и вышел из подъезда. Улицы уже вернули свой прежний ажиотаж, и люди ходили по тротуарам, не оглядываясь на небо. В свою очередь, машины, само собой, даже в непогоду продолжали летать по затопленным дорогам и, словно катера в море, разбрызгивали волны. Городская пыль исчезла, прижавшись под тяжестью влаги к асфальту, покрытому серебристыми бликами.

Адриан же, идущий нервно с какой-то тошнотой, глядел на эту картину. Мир ему виделся до ужаса скверным, и, вдыхая чистый воздух, он ощущал духоту. Солнце уже светило, и оно, выглянувшее из-за туч, осветило каждую деталь его безвыходного положения. Пара хороших брюк и единственный монмеляр. Больше ничего нет. Даже его обувь не гармонировала с образом, более-менее не выдающим его нищету. Это были массивные кроссовки с плоской подошвой и хлюпающие при каждом шаге. На правом ботинке даже виднелась небольшая щель.

И если солнце высветило его нищету, то всё вокруг, от витрин магазинов до стёкол автомобилей, было отполирова-

но дождём и блестело на свете, словно благословенное. Куда бы Адриан ни посмотрел, он находил свое неудачное отражение на фоне чужого глянцевого благополучия. Счастливыми сгустками люди обтекали его, торопясь по своим важным делам. Хотя не все успевали обойти. Некоторые прохожие едва ли не врезались в него, брезгливо отступая в сторону в последний момент, пока тот понуро куда-то шёл. Тогда он с ненавистью смотрел им вслед и опускал голову, осознавая, что ненависть бесполезна. А направлялся он в один парк, расположенный недалеко от дома, в котором обычно всегда царила тишина. Это место он выбирал не потому, что оно ему нравилось. Скорее, там было меньше причин видеть чужую жизнь слишком близко. В парке люди проходили мимо на расстоянии и не лезли в глаза, весело сидя за столиками кафе. В этом месте он не слышал обсуждения чужих покупок и не видел, как люди спешили к своим родным.

Как ни странно, в самом парке тоже бывали люди, пусть и гораздо реже. Поэтому даже здесь Адриан уединялся и, крайне грустный, сидел на одной лавочке в самом дальнем и тихом уголке парка. Он клал сбоку от себя маленькую коробочку, и те, кто сюда часто приходил, знали, что мужчина в синем монмеляре нуждается. Адриан никогда не просил денег — просто клал коробку и молча сидел. Менее внимательные люди могли бы даже не понять, что это коробка для пожертвований, по причине самого её облика и расположе-

ния на скамейке. И пока он не нашёл работу, приходилось делать всё возможное, чтобы собирать деньги на аренду. А фолей ему давали в день не больше десяти — они, собственно, и были валютой в государстве Z. К счастью, сидение с коробкой в почти безлюдном парке было не единственным нынешним заработком Адриана. Порой ему удавалось и подрабатывать, но очень редко. За все четыре месяца такое случилось всего раза три.

Адриан пришёл в парк и, дойдя до его края, увидел, что на скамейке по-прежнему стояла его картонная коробочка, которую он забыл забрать два дня назад. Её, кстати, никто не выбросил. Учитывая её состояние, можно было предположить, что уборщики сделают своё дело: отсырев, картон уже начал распадаться на части. Больше она походила на деревянный дом, который вот-вот развалится. Адриан заглянул в неё и увидел, что на дне лежат несколько монеток посреди камня среднего размера. Монетки, видимо, кто-то оставил, несмотря на то, что Адриан даже здесь не появлялся последние двое суток. Кладут деньги даже без него. Может, это и хорошо...

Адриан механически подобрал монеты и засунул в карман. Камень он просто выкинул, но где-то в глубине души был благодарен тем, кто его туда положил — явно позаботились, чтобы ветер не сдул. Остались ведь ещё нормальные

люди в этом районе...

Адриан же уселся на уже подсохшие брусья скамейки. Уперевшись локтями в колени и опустив голову на ладони, он сидел неподвижно. Бушующая снаружи ярость утихла, переродившись в глухой внутренний мятеж и тяжёлую задумчивость. Всё ему казалось бессмысленным и пустым. Самым жутким для него было одиночество. Но не обычное, а среди людей. В человеческом обществе он видел механизм, неспособный изменить лично его жизнь и поддержать. В толпе он чувствовал себя хуже, чем когда бывал один.

Между тем изредка мимо него проходили люди — настолько близко, что Адриан видел только их обувь. Одни шагали быстро, другие замедлялись возле, но всегда уходили. Он уже перестал поднимать голову каждый раз, когда слышал рядом чьи-то шаги. Поэтому и сейчас он сначала не обратил внимания на остановившегося возле него человека. Его ладони всё ещё лежали на лбу, и он лишь почувствовал рядом чьё-то движение. Только потом он немного опустил руки и увидел, как морщинистая рука аккуратно кладёт деньги в коробку, стоящую слева от него. Он поднял голову.

Перед ним стоял пожилой священник в чёрной сутане, потёртой временем. Его волосы — редкие серебристо-белые пряди — были бережно зачёсаны назад. Вокруг усталых, но

добрых глаз пролегала сеть глубоких морщин.

Адриан посмотрел на него с признательностью, а затем перевёл взгляд на банкноты в коробке и обомлел. Мысленно пересчитал. Не понял. И снова взглянув на священника, уже уходящего, окликнул его:

— Отец! Вы ошиблись. Вы дали больше.

Но старик лишь обернулся, и на его бледном лице проступила лёгкая улыбка. Он ступил дальше.

Тогда Адриан встал, догнал его и вернул назад к скамейке. Усевшись рядом, они разделили её на двоих.

— Отец, почему вы дали мне целых семьсот фолей? — спросил Адриан.

— Господь велел любить друг друга.

— Но не настолько же...

Священник снова улыбнулся.

— Разве вы не читали? — спросил он.

Адриан посмотрел на него вопросительно.

— Ты заблуждаешься, сын мой, — сказал священник. — То, что сделал я, — ничто по сравнению с тем, о чём писал апостол Иоанн в своём первом послании.

— Что же он писал?

— «По тому познаём любовь, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев», — процитировал священник, но так живо, точно он сам был апостолом.

— Я не верю в Бога, — сказал Адриан.

— Никогда не поздно обрести веру и встать на путь Христа.

Но Адриан ничего не ответил. Священник промолчал, и между ними повисла тишина. Казалось, влажный после дождя воздух можно потрогать рукой. Даже поделить на куски.

— Я вижу, вы чем-то огорчены? — спросил старик после минутной паузы.

— Да. Огорчён. Отец, посмотрите на меня. Я совсем один.

Родственники, должно быть, забыли, что я ещё жив. И вряд ли им это интересно.

— У тебя нет с ними связи?

— Были раньше, но мы редко общались. Они живут в других городах. Да и зачем мне их контакты?

Стало тихо.

— Но есть хоть кто-нибудь, кому ты нужен? — спросил он.

Адриан вспомнил о ней. Только о ней.

— Такие были, но теперь их нет, — ответил он. — Нет таких, кому я нужен. Но наверняка есть те, кто хотя бы помнит обо мне.

— У тебя есть телефон, чтобы позвонить им?

— Нет.

Старик на мгновение задумался.

— Тогда возьми мой, — предложил он, сунув руку в свою

холщовую сумку.

— Спасибо, но я всё равно не вспомню номера дяди Смита.

— Он тебя любил?

— Нет. Он просто меня знал.

Священник опустил глаза — они скрылись за его густыми бровями.

— Бог тебя не только знает, но и любит. Он желает тебе счастья. Исполни заповеди Христа, и Он благословит тебя.

— Откуда мне знать, что благословит?

— Он не может лгать. Его слова верны и истинны.

— Зачем Ему, чтобы я исполнял заповеди? — спросил Адриан.

— Это для твоего же блага, сын мой. Христос даёт заповеди только из любви.

На лице Адриана появилась грустная улыбка.

— Я так давно не чувствовал любви. Уже больше года, как я один, — сказал Адриан сдавленным голосом человека, словно отбывающего срок. Такого человека, который отвечает, сколько уже сидит в тюрьме. Священник уловил эту жалобность.

— Я искренне сочувствую тебе, сын мой. Я верю, что ты добрый человек, и Бог благословит тебя. Ты найдёшь своё счастье.

— Оно прошло, моё счастье...

— Земное счастье действительно не вечно — оно тленно. И приходится искать новое, нерукотворное.

— Я не хочу новое.

— А какое хочешь?

— Старое.

— Старое не вернуть.

Адриан наклонил голову и рукой, словно ребёнок, вытер глаза. Казалось, он едва сдерживался, чтобы не заплакать.

— Ты что-то потерял, — тихо спросил старик.

— Да. Потерял. Раньше я жил в доме, и у меня была жена Лотти. Я её очень любил. И теперь, вспоминая её улыбку, я всегда плачу, — сказал Адриан, и его лицо наполнилось чем-то горьким. Он плакал.

— Ты не один такой, — начал старик. — Все мы сталкиваемся с потерями. И твои слёзы сейчас — только малая часть боли мира.

— Так много счастливых людей...

— Но много и несчастных, — сказал старик.

— Я сижу здесь очень часто, и через меня проходят только счастливые люди.

— Такого не может быть.

— Почему?

— Разве ты видишь их душу? Тело — лишь оболочка. Лицо часто оказывается маской, за которой скрывается истина.

— Но они кажутся счастливыми...

— Многие на самом деле счастливы, а другие лишь кажутся таковыми, пряча в себе боль и тоску.

Между ними снова повисла тишина.

— И ещё, — начал старик, — сейчас твоё горе кажется тебе самым огромным на планете. Возможно, поэтому ты считаешь других счастливыми.

— Моё горе действительно огромное. И смириться с ним я до сих пор не в силах.

— И потому ты сидишь с этой коробкой?

— Да. Меня оклеветали и забрали всё после её смерти.

— Неужели у тебя нет сил выбраться из этого?

— Нет.

— Сын мой, разве не лучше жить сейчас и попробовать хоть как-то изменить свою жизнь? Это грех — так с собой... Зачем тебе здесь сидеть?

Адриан не знал, что ответить. Как изменить свою жизнь?

— Что вы можете предложить? — спросил он.

Священник задумался. Глаза его были опущены и глядели на асфальт по-доброму. Как будто он думал над хорошим советом.

— Вот что я скажу, — начал он. — Думай не о мёртвых, а о живых.

Адриан замер и смотрел рассеянно.

Священник же глядел на него, повернув голову в его сторону.

— Она жива для меня. Я знаю, что она жива, — сказал Адриан.

От лёгких порывов ветра кроны деревьев издавали монотонный шелест, ставший фоном. Но порой ветер прекращался, и пространство заполняла тишина. Сейчас стало тихо.

— Вы уже уходите? — спросил Адриан, заметив, как священник поправляет сутану.

— Да, мне нужно идти.

— Тогда секунду... — Адриан протянул руку с деньгами.

— Сын мой, оставь себе.

— Мне не нужно.

— Оставь. Только пообещай мне кое-что.

Адриан замешкался. Посмотрел на деньги.

— Точно? — спросил он.

— Точно.

— Тогда я слушаю.

— Пообещай мне, что сделаешь всё, чтобы изменить свою жизнь.

Адриан на минуту задумался. Но пообещал с заметной горечью в голосе.

— Пусть Господь будет с тобой, мальчик, — сказал священник.

— И с вами тоже.

Священник снова поправил сутану, сделал шаг в сторону и пошёл. Адриан так и сидел на своём месте, провожая старика взглядом. Тот уходил вдаль по утопающей в зелени тропе и пару раз оборачивался, явно чувствуя на спине чей-то взгляд.

— Подождите! — раздался голос.

Священник посмотрел назад.

— Где я смогу вас найти? — крикнул Адриан.

— В церкви Святого Иосифа. Там.

Адриан едва заметно кивнул. Глазами он прилип к удаляющемуся силуэту священника. Затем перевёл взгляд на семь купюр по сто фолей, которые держал в руках. Долго он глядел на них с какой-то тёплой грустью. Затем сжал их в кулак и положил в карман брюк. Но всё-таки достал, потому что предположил, что из кармана они могут легко выпасть. Нести в руках будет надёжнее.

Адриан хотел было ещё раз глянуть на доброго священ-

ника, но, видимо, тот уже свернул на другую тропинку. Он снова посмотрел на купюры в своих руках, и на его лице, раньше наполненном ужасом, появилась полуулыбка. Этих денег хотя бы хватит на несколько месяцев оплаты аренды. Правда, они не вернут Лотти...

Глава III «Тайна Уильяма Хью»

Между тем вечерело. Когда стало заметно темнее, Адриан поднялся со скамейки и, оставив размокшую коробку, двинулся по той же утопающей в зелени тропе, только в другом направлении. Он вышел из парка, держа в кулаке купюры. По пути он постоянно забывал об этом, отчего пугался, считая их потерянными. Не доверяя себе и боясь, что вдруг случайно расслабит пальцы так, что деньги вылетят, он всё-таки сунул их в карман. Естественно, что он не доверял и открытому карману брюк чинос, поэтому прижал лежащие в нём деньги к бедру, чтобы точно не выпали. Так Адриан дошёл до своего дома и, войдя в сырой подъезд, весьма удивился.

На лестничной площадке второго этажа он встретил человека, стоящего в приглушённом свете. Это был один из самых обыкновенных промоутеров, которых Адриан за вчерашний день видел пять раз. Теперь такой же стоял даже здесь с единственной листовкой в руках. На вид он был совсем молодой, лет восемнадцати, невысокий, с круглым лицом, но без лишнего веса.

У Адриана не осталось эмоций, чтобы реагировать на него чем-либо, помимо удивления, поэтому почти прошёл ми-

мо. Но юноша остановил его, вначале поприветствовав с какой-то торжественностью.

— Здравствуйте! — сказал он.

Адриан остановился.

Из короткого обмена репликами оказалось, что этот промоутер является соседом с нижнего этажа, и теперь его рабочий день закончился, но одна листовка осталась.

— Извините, — продолжил промоутер, — через неделю проходят выборы мэра, будете голосовать? — и протянул одну бумажку.

— Спасибо, не буду, — ответил Адриан.

— Вы вне политики?

— Нет, мне просто это не интересно. И тем более за кого голосовать? Даже если бы я знал кого-нибудь... — Адриан не договорил, будто запнулся и забыл, что хотел сказать.

— Мистер, смотрите, есть Уилфрид Эванс и Мэтью Кларк. Кстати, последний — отличный кандидат. Альба Хьюз совсем молодая, но её любят в нашем городе. Тоже

неплохой претендент.

— Я даже не знаю о таких.

— Как? Не знаете даже Мэтью Кларка?

Адриан молча покачал головой. Он просто хотел зайти в свою каморку.

— А Джейкоба Райта? — спрашивал юноша.

— Кто такой?

— Бывший губернатор, позже служил даже в парламенте.

— Не слышал о нём.

— А Уильяма Хью?

— Нет, прости.

— Вы шутите?

— Я не знаю такого.

— Удивительно, как в нашем-то городе ещё есть те, кто

не знает о нём, — сказал юноша, посмотрев в сторону.

— Он был особенным?

— Не только особенным, но и странным.

— Почему странным? — спросил Адриан.

Юноша со стороны стал выглядеть настроенным поведать недавно открытую тайну, которую сам, должно быть, узнал лишь вчера. Бывают такие.

— Говорят, он начал ходить в один лес, — начал он, — и до сих пор неизвестно, в какой именно. У нас ведь три леса за городом.

Адриан, сам того не ожидая, прислушался. Видимо, давно он не слышал чего-то интересного. Вся жизнь теперь крутится вокруг тараканов...

— Так вот, он стал ходить в один из них и затем зачастил настолько, что с должности сняли.

— Неужели?

— Да. Иногда Хью уходил в этот лес и возвращался лишь

спустя сутки, а то и двое. По словам очевидцев, возвращался он всегда бледный.

— Почему бледный?

— Хью говорил, что за лесом стоит город.

Адриан тоже побледнел.

— Город? — переспросил он.

— Да, обычный город. Такой же, как наш.

— Ты хочешь сказать, якобы дома и деревья там как наши?

— Я говорю, такой же, как наш, в смысле буквально наш город.

Адриан поморгал. Как-то не верилось. Но ещё больше не верилось ему в продолжение истории.

— Это был город времени Хью, его молодости. По его словам, там жил его вельт, а именно нищий, над которым все смеялись.

— Почему нищий?

— Детство у него, Хью, было нехорошее. Его родители — неработающие алкоголики, соответственно, в семье денег в принципе не водилось. Хью приходилось работать уже лет с десяти. А работал он как только мог: расклеивал объявления, убирал листья и мусор, иногда снег. Для большинства он стал посмешищем, а над его одеждой всегда смеялись. И Хью проклинал весь мир, а годы спустя вспоминал то время с содроганием.

Юноша остановился, словно дыхание сбилось. Адриан приковал взгляд к тёмной лестнице и почесал свою щетину. Кажется, он что-то обдумывал и через минуту взглянул на собеседника.

— И в том городе было всё то же самое? — спросил Адриан.

— Да.

— Город прошлого, значит?

— Да.

Адриан сразу востропел. Кровь отхлынула от живота

и, ударив в голову, сковала язык. Он молчал. Через минуту, когда юноша, казалось, уже собирался уходить в темноту коридора, Адриан спросил:

— И зачем тогда Хью ходил туда, если в городе было только плохое?

— В этом и смысл, — обрадовался юноша, что разговор продолжится. — Хью сразу понял, что оказался в городе времён своей молодости, когда ему было ужасно. Поэтому он отчаянно искал именно своего вельта среди вельтов других людей. Он искренне жалел его. Но поиски долгое время оставались безуспешными. А Хью в какой-то степени заиклился. С того момента ему и начали говорить, что он сходит с ума.

— Так он сошёл с ума?

— Я вам ещё не говорил? — спросил юноша, видимо, уже запутавшись, кому что говорил, оттого, что собеседников у него было много.

— Нет, — ответил Адриан.

— Он вправду сошёл с ума. Позже он уходил в лес не на сутки, а на целые недели, и когда возвращался, описывал всё

в деталях.

— И он нашёл его?

— Да, он нашёл своего вельта и увёл его оттуда.

Только сейчас Адриан задался вопросом, для чего вообще Хью хотел его вывести из города. А причины тому были весьма гуманными.

— Он хотел сделать себя прошлого счастливым, — сказал юноша. — И не хотел оставлять себя в том состоянии, понимаете?

— И дальше что?

— А дальше самое интересное. Когда он забрал вельта, тот потерялся.

— Каким образом?

— Хью говорил, что он убежал.

— Навсегда? — заволновался Адриан.

— Наверное.

— Значит, Хью проверял это?

— Конечно, именно после этого Уильям Хью пропал уже после снятия с должности мэра.

— В лесу?

— Да. По всей видимости, после потери вельта он пошёл искать его заново, но, естественно, это не точно, если он пропал, — чуть усмехнулся юноша. — Его ведь не спрашивали, для чего он пошёл снова. А в последние дни перед пропажей он отчаянно говорил только одно: «Он пропал. Я искал его для того, чтобы он пропал!» — выразительно сказал юноша.

Повисла недолгая пауза.

— А эти слова задокументированы? — спросил Адриан.

— Это слова его жены, которая позже тоже скончалась. Он говорил это жене, и та кричала: «Хью, ты сумасшедший!» — снова сказал он с выразительностью. — А Хью так и не послушал её. Потерял всё. А жизнь была у него хорошей. Поначалу было трудно, но позже ведь всё наладилось.

— А его искали?

— Конечно. Его искали. Долго, но не нашли. Даже тела.

— И вещей?

— Пару вещей нашли... Одну вещь, не помню уже какую, но вот интересен тот факт, что нашли его телефон.

— И...?

— На экране обнаружили дату 11 апреля 1952 года. Но в тот день был не апрель. И даже не пятьдесят второй год...

— Неужели?

— На дворе стоял 1988 год. А в телефоне дата почти со-рокалетней давности. Те, кто обнаружил это, ужаснулись. По слухам, один из членов отряда добровольцев умер от инфаркта в тот же день. Прямо в лесу.

— 1988 год? — спросил Адриан, явно не очень интересуясь чьим-то инфарктом.

— Да, — подтвердил юноша.

— И откуда ты всё это знаешь, если это было почти во-

семьдесят лет назад?

— Так совсем недавно, буквально в июне, в нашем городе снимали документальный фильм о Хью.

Адриан молча кивнул. Логично, что он ничего не видел, раз живёт в каморке и не имеет даже телевизора.

— Так и не нашли ничего, кроме телефона? — спросил он через пять секунд.

— Нет, только телефон.

— А что за лес?

— Это неизвестно, но как раз-таки в этом документальном фильме обсуждались всякие аргументы «за» и «против» каждого леса. Довольно интересно. Обещают вторую часть.

— Так какой лес набрал больше «за»?

— Никакой, вопрос по-прежнему открыт.

— Ты же говоришь, что в лесу нашли телефон. Разве... не объясняется, в каком?

— Проблема в том, что раньше они назывались совсем по-другому, и, возможно, тот, который назывался так, сегодня называется иначе.

— Это глупо. Неужели всё так неясно?

— Может быть, хотя я не верю. Думаю, они просто хотят снять подольше. Слишком интересно получилось. Вот и тянут.

— Разве у них нет архивов или карт, чтобы закрыть вопрос? — поинтересовался Адриан.

— Может быть, есть, но не говорят ради интриги в передаче.

— Понятно. Неизвестно, какой лес... — сказал Адриан себе под нос чуть раздражённым голосом.

— А зачем вам это?

Тот встрепенулся и, глядя в глаза юноше, произнёс:

— Просто так. Мне интересно...

— Ладно, я домой. Возьмите листовку, подумайте, за кого

ГОЛОСОВАТЬ.

Он принял бумажку, а юноша ушёл в коридор. После этого Адриан ещё четверть часа стоял на своём месте, словно прикованный задумчивостью. Мысль о Хью пустила корни. Он не находил в ней ничего смешного или правдоподобного — просто она была слишком странной, чтобы от неё отмахнуться.

Город за лесом. Город прошлого.

Он несколько раз мысленно повторил эти слова. С трудом верилось, что такие простые сочетания звуков способны вызывать внутри столь сильный и необъяснимый отклик.

Затем поднялся на свой этаж и открыл дверь, которую забыл закрыть. В комнате было темно, и он включил свет. Лампочка, свисающая на тонком проводе, осветила жёлтым светом весь бардак, который тот оставил в порыве ярости. Деревянный стул спинкой облокачивался на кровать. Из-за тесноты он даже не смог упасть. На самой кровати, брошенные и смятые, лежали домашние вещи и постельное бельё. Левая дверца шкафа осталась открытой, а на столе красовалось пятно от раздавленного таракана. Окно, к сожалению, осталось открытым, и, должно быть, налетели комары, которые теперь не дадут уснуть. Адриан снял обувь и прошёл внутрь.

Сразу закрыл окно. Поправил постель и переоделся в домашние вещи. Затем прикрыл дверцу шкафа, но тут же открыл её вновь, так как хотел поест.

Он достал с верхней полки упаковку риса в пакетиках для варки и вышел из каморки. На том же этаже он приготовил рис на общей кухне, к счастью, пустой. Без длительных описаний самой кухни обойдёмся тем, что она тоже была старой, даже полуразрушенной. Разумеется, на этом этаже или во всём доме жили в основном свиньи, поэтому кухня была неубранной. На рабочих местах красовались рассыпанные манная крупа и соль, а возле раковины лежала мокрая тряпка. Адриан знал, что если её поднять, то из сырой ткани разбегутся белые мокрицы. Эту паршивую картину дополняли также многочисленные липкие следы по всей кухне. Запах тоже был противным, спёртым, словно здесь варили лук десять часов. Но как-то сегодня Адриан не придал всему этому того болезненного значения. Под бурление воды в кастрюле он думал о Хью и о том прошлом, в которое тот, возможно, вернулся.

Вернувшись, он поел, прихлопнул пару комаров двумя точными ударами и некоторое время поискал остальных. Не могло ведь быть такого, что в комнату залетели всего два комара... Однако он никого не обнаружил. Возможно, всему виной стала его рассеянность, так как после разговора с юно-

шей всё его сознание оставалось где-то на лестничной площадке.

К тому моменту было уже девять часов. Адриан решил лечь спать: вечер всё равно больше ничего ему не обещал. И если продолжать сидеть без дела, вскоре снова проснётся голод, а возвращаться к невкусному рису ему совершенно не хотелось.

Он разобрал кровать и лёг на твёрдый, но уже чуть привычный матрас. Но ещё долго он не мог уснуть. Спокойный сон отгоняли не только комары, им не убитые, но и мысли о Хью и том лесу, где тот видел город.

Глава IV «Закусочная»

Проснулся Адриан ранним утром, так как спал ужасно плохо. Он четыре раза просыпался за ночь, что происходило с ним не так часто. А просыпался он с тревожными думами по поводу Хью. И теперь все его мысли снова потянулись к вчерашнему разговору. Не столько его интересовала судьба мэра, сколько сама концепция города, в котором тот, возможно, бывал. Хотя, конечно, и его судьба волновала Адриана, так как она являлась чем-то вроде прецедента. Личный опыт Хью, как положительный, так и неудачный, он обязательно бы перенёс на себя. И, несмотря на опасения, сама идея существования такого городка заинтриговала Адриана. Правда, нужен он ему был не столетней давности...

Какое-то время он просто неподвижно сидел на кровати, облокотившись спиной о твёрдую стену. Подложил подушку. Он теперь всегда так делал, для мягкости. Но все равно не сиделось. Он подошёл к окну. Стрелки часов в чужом окне показывали без десяти восемь.

Взгляд его скользнул чуть выше, и над домом он увидел облака, плывущие налево. Они оставляли голубые зазоры летнего неба и, гонимые ветром, сливались воедино с дру-

гими, превращаясь в одно полотно. Так, буквально на глазах, просветы становились всё меньше, пока не исчезли во все. Небо сделалось похожим на промокший холст художника. Такой холст, который так и не дождался ярких красок, будучи выброшенным на дождливую улицу.

Вдали послышался гром — там, где тучи наливались тяжёлой, почти чёрной синевой. Ещё немного — и та стена дождя обрушится сюда. Шум листвы только подтверждал это: деревья неистово колыхались на ветру, напоминая о непогоде жителям.

Он снова уселся на кровать. Думалось ему, что нужно с кем-то поговорить. Более того, сидеть в этой грязной кладовке целый день — абсолютно бессмысленно. Даже несмотря на возможный дождь, Адриан оделся в свой монмеляр и брюки карго и, выйдя из каморки, закрыл дверь. Затем торопливо спустился по крутой лестнице, держась за перила, и оказался на улице. Не успел он выйти, как сверкнула молния, и через пять секунд раздался грохот. Вразнобой завывли автомобильные сигнализации, и пошёл мелкий дождь. Но почему-то Адриан решил, что дождь наверняка останется мелким и получится успеть дойти благополучно. На это у него были свои причины, так как нужное ему место находилось в этом же трущобном районе, поэтому путь был недалёким. К сожалению, дождь становился сильнее с каждой минутой и

теперь уже гнал Адриана, в то время как с другими людьми относился более бережно. Облака будто ждали, пока те усядутся в свои машины или поскорее покинут улицы с зонтиками в руках. Тротуары пустели. А он один — под плотной стеной воды, словно в холодном душе, бьющем в лицо и сводящем дыхание.

«Лишь бы не простудиться», — думал он.

Почти через полкилометра Адриан поспешно повернул на Винил-стрит. Это была широкая автомагистраль, вдоль которой сплошной линией тянулись разнообразные здания. По обеим её сторонам стояли строительные рынки, заправки, магазины автозапчастей и закусочные.

Он направлялся как раз в одну ветхую закусочную, в которой работал один пожилой и добрый мужчина, часто угощавший Адриана горячим чаем. Пройдя ещё немного, он глянул направо и увидел коричневую дверь с тонированным стеклом и надписью «Открыто». Он схватил скользкую ручку, тоже весьма холодную, и зашёл внутрь.

Здесь, как обычно, царствовал знакомый тёплый запах жареного лука и домашней выпечки. Помещение, надо признать, было не из лучших. Пол, выложенный старой, щербатой плиткой-мозаикой, хранил память о времени, когда эта

закусочная была нужна хоть кому-то. Вдоль окон тянулись узкие диванчики, обтянутые потрескавшейся кожей цвета ржавой слизи. Кое-где на углах виднелись аккуратные заплатки. Возле них стояли крошечные столики с потёртыми столешницами «под мрамор».

Адриан постоял минуту у прилавка, и из подсобного помещения вышел старенький мужчина. Низенький, с лысой головой и густыми бровями, он казался добрым и даже наивным.

— Ох, Адриан. Привет, — сказал он, вынося какой-то контейнер.

— Привет, Лукас.

— Две недели не приходил. Промок?

— Как видишь... — и провёл ладонью по насквозь промокшему монмеляру.

— Ну уж вижу! Ты как всегда будешь?

— Сегодня нет. Я просто поговорить пришёл.

— Не стесняйся. Ведёшь себя, словно впервые меня ви-

дишь. Ты что будешь, чай, кофе?

— Лукас, не нужно. Мне и так неловко: постоянно к тебе прихожу. Наверное, уже надоел...

— Нет, Адриан, не надоел. Бери кофе.

Приготовив кофе, он отдал стаканчик в его мокрую руку и пригласил поговорить за столиком. Лукас, как хозяин закусочной, мог позволить себе отвлекаться от работы, когда клиенты не приходили, что случалось с завидным постоянством. Они, как всегда, выбрали столик у окна, наиболее освещённый, и уселись напротив друг друга.

— Ну что, Адриан, как живёшь? — буднично спросил Лукас.

— Справляюсь... Мне вчера дали семьсот фолей.

— Семьсо-о-т? — переспросил Лукас.

— Да.

— Это кто такой богатый?

— Один священник, мимо проходил...

— Тебе повезло! Такие деньги даже у меня не водятся, за неделю-то, хе-хе. Нехило, Адриан. Кстати, пока не забыл, скажу сразу, — резко сменил тему Лукас, — у меня есть один знакомый, работает в шиномонтаже. Так вот, он говорит, у них требуется механик. Может, устроишься? Ты ведь на механика учился?

— Я инженером был...

— Ах, вспомнил, прости. Но разве не получится чинить машины? Это же проще, чем быть инженером?

— Может быть. Прости, Лукас, я сегодня не хочу говорить об этом.

Лукас глянул на Адриана вопросительно, но не навязчиво.

— Я просто устал. У меня нет сил, чтобы искать работу, и тем более это абсолютно бессмысленно. Боб тоже помогал, и что из этого вышло?

— Но всё же...

— Меня не берут, Лукас, как же ты не понимаешь? Мы это обсуждали много раз, репутация в такой работе высоко

ценится.

Лукас опустил голову и посмотрел на стол перед собой и свои толстые сухие локти.

— Сколько времени, кстати? — спросил Адриан после минутной паузы.

— Половина девятого, — ответил Лукас как-то угрюмо для своей натуры. Адриан это заметил.

— Ты сегодня кажешься немного странным, — сказал он.
— Обычно ты больше шутишь, когда я прихожу.

— Ты правильно заметил. Видишь ли... Адриан, клиентов нет. Никому не нужна моя жалкая забегаловка.

Адриан подумал, что замечание Лукаса имеет место быть. Скорее всего, и вправду мало кто хотел заходить в такое неприметное заведение.

— Конкуренция? — спросил он, зная, что дело не в этом.

— Не думаю. Раньше магазинов на районе было столько же... Хотя я же дед! Может, не в курсе.

— Я видел на прошлой неделе, что на углу Чёрч-стрит стоит огромная пекарня. Её там не было, построили недавно. Ты, видимо, не знал.

— Нет.

— Ну вот. Может, ещё где-то новые стоят.

— Наверняка.

Между тем Адриан уже какое-то время чувствовал, как с него стекает вода непрерывным ручьём. Точнее, чувствовали его ноги...

— Лукас, я тебе лужи сделал на полу.

Лукас с необычной тревожностью наклонил голову и опустил взгляд вниз. Там было целое озеро.

— Господи! Адриан! — сказал Лукас и побежал в подсобку за шваброй.

На самом деле Лукас был ещё тот педант. Не всегда и не во всём, но к порядку в его заведении особых вопросов не возникало. Наверное, он жил по правилу: «Старое, но чистое. Сломанное, но починенное».

Лукас вылетел со шваброй в руках, и Адриан, поглядев в его сторону, увидел на дальнем столике лежащую бумажку. Она казалась знакомой.

— Это твоё? — показал Адриан пальцем.

— Подожди, дай дотереть.

Через минуту к Лукасу вернулся покой.

— Что «твое»?

— Вон то.

— То?

— Да.

— Сейчас гляну, — сказал Лукас.

Он подошёл к столику и взял глянцевый листок жёлтого цвета. Адриан видел точно такой же вчера.

— Да, это моё. Сегодня, когда шёл сюда, дали эту листовку.

— У меня таких уже двенадцать штук.

Лукас кивнул и с выдохом сел на место. Он держал листовку двумя пальцами и легонько постукивал ею по столу, наблюдая за каплями, стекающими с карниза. Адриан хотел было заговорить о Хью, но Лукас начал сам:

— Не знаю, для чего раздавать эти бумажонки. Не вижу смысла, когда кандидаты, мягко говоря, дрянь. Раньше было лучше, — сказал Лукас и ненадолго замолчал.

— В детстве-то я был полностью в этой теме. В политике разбирался прекрасно, отец даже удивлялся, хе-хе-хе. Он тоже говорил, что прежние губернаторы и мэры были лучше. Я всегда поддерживал его беседы с друзьями, которых он приглашал в гости. Даже вступал с ними в дискуссии и так грамотно объяснял свою точку зрения, что сорокалетние дядьки диву давались. Его пьяные приятели хлопали меня по плечу и твердили, что я должен стать политиком, хе-хе... Но стал сам видишь кем, — показал он на себя руками.

— Раньше было лучше?

— Да. Отец говорил, что были ещё Джонс Браун и Майкл Холл. Вот сейчас смотрю на дождь и не могу припомнить

имя ещё одного. На языке крутится... Тако-о-ой! Ну вот человек! Отец рассказывал мне о нём и всегда называл его коротко — «Мать Тереза»! — сказал Лукас и стал загибать пальцы. — Благотворительностью занимался, школы строил, в больницы к больным детям приходил... И такой классный мужик сошёл с ума!

Услышав это, Адриан восторженно вскрикнул. Ясное дело, что речь шла о том же человеке, которого вчера упоминал парень с листовкой. Адриан поправил едва подсохший монмелляр, пригладил волосы и с волнением посмотрел на Лукаса.

— Я как раз пришёл поговорить о нём.

— О ком?

— Об Уильяме Хью, ты же его имеешь в виду?

— Да, да. Точно — Уильям Хью. Такой замечательный был и то — свалил дурака и пропал! Знаешь, отец признавался мне, что у него было чувство, будто все адекватные люди всегда исчезают из его жизни. И самым адекватным был Хью. Даже не я. А он лично знал его.

— Неужели?

— Да.

Адриан чуть улыбнулся. Он почувствовал, что прямо сейчас может задать множество вопросов, на которые Лукас с радостью ответил бы. Но из-за обилия мыслей он даже не знал, с чего начать.

— Я слышал вчера, мне про него рассказывали, — начал он скромно.

— И что же?

— Сказали, что Хью искал какой-то город в лесу, но неизвестно в каком. В итоге потерялся, и нашли только его телефон.

— Да, знаю. Я документальную статью читал. Там писали, что нашли его телефон, который сразу узнала его супруга. И ещё знаю очень интересный момент, я...

Вдруг дверь открылась, и шум проезжающих машин вместе с холодным ветром ворвался в помещение. На пороге стоял мужчина.

Лукас посмотрел на него с мимолётным негодованием, но тут же улыбнулся и спросил, чего бы желал промокший

странник. Посетитель попросил приготовить чай и положить с собой булочку с корицей. Всё было сделано по его просьбе, и он, выйдя из закуской, оставил их снова в тишине.

— Так о чём это я... Уже забыл.

— Ты хотел рассказать любопытный момент.

— Ах, да. Я не зря вспомнил о Хью, когда смотрел на дождь.

Адриан слушал.

— Когда Хью только пропал, а это был 88-й год, его никто не видел. И лишь в следующем году, по словам моего отца, он встретил его. А ты что так побледнел?

— Нет, всё в порядке. Дальше что? Это точно был он?

— Отец клялся моей матерью, что видел его лицо. Тогда ему было, получается... не могу посчитать. Посчитай, Адриан, если он родился в 66-м...

— Ему было двадцать три года.

— Так вот, значит, в двадцать три года он возвращался

домой после игры за молодёжный футбольный клуб. В тот день у него проходил поздний воскресный матч, который, по его словам, они проиграли.

— Он это тоже помнил?

— Да, он помнил всё в мельчайших деталях. Было так же дождливо, как и сегодня. А шёл он очень уставший, задумавшись, и, подняв голову, остановился. Он увидел рыжеволосого мужчину с усами и бакенбардами. Тот сидел на задворках магазина и плакал. Отец говорил, что колени его задрожали и ноги сразу стали ватными. Потом Хью повернул голову и посмотрел в его сторону с ужасом в глазах. Отец признавался, что только от этого ему стало холодно и так горько за него. Он не понимал, что у него случилось, и даже не хотел думать.

А магазин этот находился недалеко от того самого леса, куда Хью ходил искать город. Он поднялся с ramпы и пошёл подозрительно плавно в сторону чащи — отец за ним. Не знаю зачем, просто пошёл. Затем он вовсе побежал. Отец удивился, но продолжил идти за ним, ускорив шаг. И, подойдя к лужайке, за которой начинался лес, увидел, как тот убегает в деревья.

Лукас замолчал. Стало тихо, и только дождь продолжал

монотонно стучать по жестяному карнизу. Адриан смотрел в одну точку, а Лукас так и сидел, тяжело навалившись локтями на стол.

— Он скрылся? — спросил Адриан, нарушив тишину.

— Да, Хью ушёл. Больше отец его не видел.

— Как-то слишком странно, — сказал Адриан.

— Понимаю. Я тоже не особо в это верю, хе-хе.

Адриан удивился.

— Но если верить моему отцу, то, по логике, Хью где-то жил тот год, пока его искали, — продолжал Лукас, — а когда Хью уходил, отец вглядывался в его походку и одежду и понял, что не мог ошибаться.

— Он обращался в полицию?

— Не помню. Это было давно, полвека назад, он вроде звонил...

— А лес он говорил какой? — спросил Адриан.

— Естественно. Знаешь Мидоу-лейн?

— Да.

— Так вот, как я тебе уже говорил, он находился возле магазина в тот день на этой самой улице. Хью пошёл прямо по ней и в конце свернул налево. И потом, немного пройдя, завернул направо. Там стояли домики, а дальше чёрная полоса леса. А кстати, зачем тебе?

Адриан немного смутился.

— Знаешь, — начал он, — я просто люблю иногда ходить в один. Порой, когда с деньгами становится чуть проще, могу наконец забыть о проблемах и позволить себе несколько раз в неделю сходить погулять там. Мне нравится природа, ты же знаешь...

— Ну и?

— Судя по твоему рассказу, какой это лес был?

— Сейчас он называется Вогезский.

Адриан странно улыбнулся и посмотрел вниз. В его голове пронеслась страшная и, возможно, безумная идея, кото-

рая мигом заполонила рассудок. Она зародилась ещё вчера, когда он только узнал об этой истории. Но как же хорошо, что есть Лукас!

— Ты туда ходишь? — спросил он.

— Да. И сегодня пойду, — ответил Адриан с улыбкой.

Лукас ошеломлённо уставился на него.

— Зачем?

— Что мне терять? Всё, что я потерял, возможно, находится в этом лесу.

— Ты в это веришь?

— Я не знаю, во что верить... но хочу попробовать.

— Адриан, глупо всё это.

— Не говори так.

— Ты же видишь, Хью сошёл с ума и пропал. Ты также хочешь?

— Не обязательно становиться сумасшедшим.

Лукас ещё качал головой, когда пришёл следующий клиент — как назло, в самое неподходящее время. Пока старик отвлёкся, Адриан успел вздохнуть, скрестив руки на груди, и как следует обдумать свой план. Незаметно вернулся Лукас.

— Там ведь прошлое... — первым сказал Адриан, когда они снова остались вдвоём.

— Только телефон с датой и отсутствие Хью указывали, что тот город находился в другом времени. Хотя, пожалуй, это слишком громко сказано...

— Я пойду сегодня туда.

Адриан собрался на выход со странной решимостью, будто что-то вспыхнуло в нём.

— Ладно, Лукас. До встречи! — сказал он, поднимаясь со своего места.

— Ты уверен?

— В чём?

— В лес. Ты идёшь...?

— Да, пойду.

— Не страшно?

— Нет. Волнуюсь только. Вдруг всё это правда, — сказал Адриан как-то слишком мягко, почти по-детски.

— Я бы на твоём месте остался здесь.

— Смириться?

— Ну почему сразу смириться? Да, у тебя раньше были деньги, работа, Лотти, но это всё в прошлом. Не лучше ли смотреть вперёд?

— А что у меня впереди? Что-то хорошее?

— Адриан, тебе всего лишь тридцать с небольшим. Зачем сожалеть о том, что было?

— Я не могу об этом не думать. Если перестану вспоминать, меня убьёт реальность. Я не могу так.

— Всё равно! Мечтай о том, что впереди... Что ждёт в

будущем. Понимаешь?

— У меня нет сил.

Лукас отошёл в сторону и, сделав несколько шагов вперёд и назад, остановился.

— Почему у тебя есть силы, чтобы обернуться, но чтобы поднять глаза сил нет?

Адриан задумался. Пожалуй, это была одна из самых умных фраз в жизни Лукаса. Старик принялся отвлечённо протирать влажной тряпкой лакированный прилавок. Но на самом деле давал Адриану время всё обдумать.

— Не знаю, почему я такой, — сказал Адриан, помолчав.
— Хочу попробовать. Может, это всё и неправда. А я буду винить себя... если упущу такой шанс.

— Хорошо. Приходи, как захочешь. Ты знаешь, где меня найти. Если что, прощай, Адриан.

Тот слегка улыбнулся, но как-то нервно.

— Зачем настраиваться на плохое, Лукас? Ты хочешь сказать, что я не вернусь?

— Нет, Адриан, я просто волнуюсь за тебя.

Адриан помолчал. Через минуту они попрощались, и он, махнув рукой, открыл дверь. Как ни странно, он напрочь забыл, что дождь ещё не кончился, несмотря на бесперебойный стук дождя по карнизу. Лукас, увидев, что тот остался, только улыбнулся и, снова приготовив кофе, уселся вместе с Адрианом за прежний столик.

Глава V «Ворон и варенье»

Они больше не говорили о Хью и других странностях, а только смеялись и обсуждали быт. Адриан, в свойственной ему манере, рассказывал подробности своей неудачной жизни, отчего у Лукаса текли слёзки. Конечно, не со зла — ему было смешно и грустно одновременно за бедного друга. Раньше Адриан мог бы обидеться, но не теперь. В нём появилась надежда, пускай и мутная, на возрождение своей прошлой жизни. Поэтому он много смеялся, даже больше самого Лукаса, рассказывая, как вчера стучал по столу, когда прибил таракана.

После того как дождь наконец стих, Адриан вышел из закуской весьма воодушевлённым и решительным. Теперь он знал, куда идти, и от этого знания с его лица первые минут пять не сползала улыбка. Свернув с Винил-стрит, он направился по бульвару, по бокам которого росли невысокие деревца. С их влажных листьев стекали дождевые капли. Они падали в лужи, пуская по воде круги, словно оживляя их после бури. Адриан перешагнул одну из таких луж и понёсся через дорогу — оставались секунды зелёного света светофора. Он добежал до толпы людей, которые явно не успевали перейти, и проскользнул сквозь них с какой-то странной лов-

костью. Возможно, даже с азартом.

Затем вышел с узкого тротуара на широкую площадь. По обыкновению, на площадях людей достаточно, но Адриан обратил особое внимание только на одну женщину. Одета в бежевое пальто, она шла впереди него, до сих пор держа в руках зонтик, хотя дождь уже прекратился. Бывают такие — кто не торопится складывать зонтик или держит его по привычке. Необычным в ней было и то, что шла она совсем неуклюже, раскачиваясь из стороны в сторону, точно раненая антилопа. Адриан смотрел на неё, и вдруг, сунув свободную руку в карман, она достала какую-то вещь, но выронила что-то невесомо-квадратное. Эта вещичка плюхнулась прямиком в лужу, и Адриан, заметив это, подбежал к тому месту. Подбежав, он увидел, как посреди своего размазанного отражения сиротливо лежит кусок пластика. Он поднял голову и отыскал взглядом женщину, едва не скрывшуюся в толпе. Она явно не подозревала о потере, так как мирно шагала, а глаза её, по всей видимости, впились в здание вокзала, которое находилось чуть левее площади. А глаза Адриана снова опустились в лужу. Только теперь вместе с рукой. Он мог оставить эту банковскую карточку себе. Купить еды на неделю. Новые ботинки. Взгляд полетел вниз — и правда, страшные ботинки. Сейчас, перед самым лесом, дополнительные ресурсы могли бы пригодиться... Впрочем, как человек совестливый, он только аккуратно вытер карточку о

свой монмеляр и побежал за женщиной.

— Извините, вы выронили... — сказал он.

Женщина вопросительно посмотрела на него, не расслышав, что произнёс Адриан.

— Что, простите? — спросила она.

— Вы уронили. Карточку.

Он протянул руку с оранжевым прямоугольником.

— Возьмите.

— Спасибо.

— А ведь вы могли оставить её себе, — заметила она с бестактностью.

— Мне не нужно чужое, мне нужно своё, — сказал он. — И за ним я иду.

— В смысле?

— Я сейчас иду за своим, — произнёс он и странно улыб-

нулся.

Она лишь молча посмотрела в его серые глаза и, взяв карту, поблагодарила:

— Спасибо, мистер. Желаю удачи.

— И вам...

Сказав это, он ускоренным шагом прошёл дальше и свернул в сторону парка. Казалось, после разговора с Лукасом он сильно изменился. Движения стали механическими, даже энергичными — словно что-то зажглось внутри. Появились силы говорить и помогать, силы думать и бежать. Он стал другим...

Адриану же предстояло пройти три километра прямо по дороге в сторону Вогезского леса. Для него такое расстояние считалось совсем небольшим. Путь его не заслуживал длинных описаний, так как был совершенно обыкновенным, за исключением того случая на площади. Единственное, что можно было отметить, — метры таяли и тянулись одновременно. Чувство быстрого шага и медлительности времени соседствовали друг с другом в одном теле. Также он выглядел слегка озабоченным. Решив для себя главный вопрос, теперь он банально боялся не найти город. К тому же остава-

лась вероятность потеряться в лесу или вообще погибнуть. Он ведь не знал причины окончательной пропажи Хью после того, как отец Лукаса видел его возле магазина. Могло быть и такое, что в чаще бродили маньяки или убийцы, губившие бедного мэра. Естественно, не те же самые, что и полвека назад, но маньяки и убийцы есть всегда... Эти мысли немного смутили его и ввергли в задумчивость. На его взгляд, главной задачей теперь было просто безопасно найти город.

Позже он с ужасом подумал, что и его вельт, скорее всего, тоже имеется в городе. С ужасом, потому что собственный вельт богат и живёт в одном доме с Лотти. Она же, в свою очередь, не согласится идти с ещё каким-то полубездомным Адрианом в лес, чтобы ютиться в камерке. Она ведь, ясное дело, примет его за обычного самозванца, который просто похож на её мужа. Этот момент показался Адриану даже страшнее, чем потеряться и умереть в лесу.

Затем он предположил, что можно просто переехать в пределах того города в другое место. На секунду на его лице показалась улыбка, но уже в следующее мгновение она растворилась. Момент с переездом виделся ему таким же нелепым, как и побег в чащу. Абсурдность этого варианта заключалась даже не в том, что вельт сможет их отыскать, а в сложности самой ситуации. Как сделать так, чтобы, пока вельт на

работе, прийти к Лотти в своём нынешнем виде и уговорить её на срочную продажу прекрасного дома? Даже если она согласится, что очень маловероятно, жильё будет продаваться долго. Как повернуть сделку, пока вельт не вернулся с работы уже вечером?

Но это слишком далеко. Он пока даже не нашёл город. Так какой смысл забегать вперёд и мысленно возводить стены, если не сделано самое главное и не заложен фундамент?

Между тем оставалось не больше двухсот метров, когда он, подняв голову, увидел перед собой арку, которую видел сотни раз. Она была невысокой, совсем не триумфальной; в верхней части висели старые железные буквы, покрытые растрескавшейся зелёной краской. Перед ней простиралась небольшая площадь, на разных концах которой стояли лавочки. Площадь и лавочки, кстати, тоже были старыми, на что указывала трава, пробивающаяся через щели в брусчатке. Скамейки на вид казались не лучше: их некогда крашенные доски давно потеряли свой цвет, став грязно-серыми. Слои облупившейся краски топорщились сухими чешуйками, обнажая глубокие сквозные трещины в гнилой древесине. По углам стыков даже разросся влажный зелёный мох, медленно пожирающий жалкое дерево. Несмотря на их внешний вид, Адриан уселся на одну такую, ещё мокрую скамью, погружённый в задумчивость. Небо над его

головой было по-прежнему пасмурным и немного грустным. Низкие облака касались верхушек елей и сосен Вогезского леса за аркой — они стояли тихо, словно замершие и боящиеся пошевелиться.

Адриан посмотрел в их сторону. Их так много... Этих загадочных, мрачных елей и сосен. Возможно, за ними и скрывается Лотти. Та самая, ещё не погибшая. И, глядя туда, он думал, риск ли это — идти туда, где пропадают без вести. Наверное, риск. Но стоит ли он того? Скорее всего, да. Зачем жизнь, которая не устраивает? Можно её поменять, как говорит Лукас. Можно её изменить, как попросил священник. И Адриан хочет её изменить. Как феникс, для которого старое — это новое и прошлое — будущее.

Он медленно поднялся и сделал шаг вперёд. Первый — робкий. Второй — сомнительный. Остановился.

Он прищурился и увидел, как из лесной темноты появился ворон, прыгающий по колючим ветвям. Хвойные лапы качались и прогибались, точно пружины, под его смоляным телом. Птица взмахнула угольными крыльями и беззвучно опустилась в мокрую траву у края площади. Чёрный, с гладким блестящим клювом, ворон повернул голову набок и уставился на Адриана. Тот смутился.

— Лети, — прошептал Адриан.

Ворон замер. Будто ледяная фигурка, он сидел не двигаясь.

— Лети, — произнёс Адриан чуть громче.

А тот по-прежнему сидел, не шевелясь. Смотрел на человека, словно в маске чумного доктора, который собирается помочь.

— Улетай! — крикнул Адриан, испугавшись.

Ворон каркнул и, хлопнув крыльями, полетел обратно в лес. Там он скрылся за неровными стволами сосен.

Адриан приблизился к тому месту, где сидела птица. Раздвинул мокрую траву — и увидел: белая визитка, чистая, без имени и номера. Только красные буквы, выведенные резким почерком:

НЕ ХОДИ

В глазах тут же помутнело. Буквы, и без того неровные, размазались, словно кисточкой. Он протянул дрожащую руку к визитке. Взял её и бросил. Затем поднял и развернул.

Ничего. Снова бросил и посмотрел направо. Ворон сидел на месте, будто и не улетал вовсе. Адриан побледнел как мертвец.

— Уйди, Господи... — прошептал он.

Ворон каркнул — но Адриану показалось, что тот засмеялся. Тогда он пошатнулся назад. Колени задрожали сильнее прежнего, и Адриан просто рухнул в траву. Рассеянным взглядом он ещё долго смотрел в никуда. Что это было? Слишком странно. Теперь не давал ему покоя этот ворон. Правильнее будет сказать — осадок или послевкусие. Как теперь идти? Хотя, если рассудить разумно, без леса не было бы ворона. Именно лес, смотрящий на него, не давал ему покоя. В ответ он тоже взглянул на него, но больше как на спасителя — такого страшного. А бывают ли спасители страшными? Но Адриан не знал, страшный он на самом деле, и вообще спаситель ли. Он просто вглядывался в чащу, сидя в траве перед ней, как перед ужасным великаном. А он — маленький и полубездомный котёнок, пришедший к нему просить о помощи. А к кому ему идти? Страх перед великаном преодолим. А сколько слухов ходило в городе, связанных с Вогезским лесом... Хью был не единственным. Просто Адриан об этом не знал. И казалось, даже если бы он знал все имена тех, кого этот лес свёл с ума, всё равно бы пошёл. Единственное, чего он особенно боялся сейчас, —

это не найти город. Может быть, его и нет? Может, Хью действительно просто свихнулся? В таком случае, почему отец Лукаса видел его возле магазина? А может, это был не он?

С этими обрывками мыслей он с усилием поднялся, но как назло теперь о себе давал знать голод. Адриан сунул руку в карман штанов, но ничего не почувствовал. Неужели потерял? Сердце заколотилось, и он быстро запихнул руку в другой карман в надежде, что ошибся. Так и есть. Он вынул руку с семью купюрами и даже чуть успокоился. Затем перебросил взгляд в противоположную сторону от арки. Там он начал бродить глазами по зданиям в поисках магазина неподалёку. Увидел знакомую чёрно-зелёную вывеску — фирменный логотип сети продовольственных супермаркетов компании Plat. Путь до него был заковыристым, но через пять минут Адриан уже подходил к нему.

Раздвижные двери отворились, и он вошёл, направившись вглубь, через стеллажи с продуктами. Конечно, он не собирался тратить все деньги, но глаза разбегались по сторонам и искушали его. Всё, что он раньше позволял себе покупать, не задумываясь, теперь лежало перед ним словно в витринах музея. Много чего ему хотелось. Несмотря на то что именно в этот магазин он ещё не приходил, ноги интуитивно привели Адриана к прилавку с хлебом. С какой-то уже привычной грустью он взял буханку.

Но вдруг его взгляд задержался на дальнем стеллаже. Там в ряд стояли стеклянные банки различных размеров и цветов. Он двинулся к ним. На верхней полке он увидел особенную для него баночку. Наполненная клубничным вареньем, она словно ждала и просилась в руки какого-нибудь покупателя. Он глядел на неё и думал о том, что раньше, когда был богатым, любил свежую клубнику. В его голове возродилась старая картинка пятилетней давности. Тогда они с Лотти проходили через многолюдный рынок, на котором пахло свежим укропом и апельсинами. Глядя на пёстрые фрукты, Адриан жаловался, что невозможно найти хорошую клубнику. Неожиданно его взгляд упал на прилавок с крупными плодами, обещающими быть сладкими. Они купили три килограмма, сами не зная зачем. Но, к разочарованию Адриана, клубника, как всегда, оказалась невкусной. На следующий же день они отдали её соседским мальчикам, и теперь Адриан, вспоминая это, аж ругал себя.

«Какое расточительство...» — подумал он, даже не заметив, как уже держит в руках банку.

Он посмотрел на неё и на секунду представил, как было бы приятно съесть хлеб с вареньем. Постоял минуту. Чуть потоптался на месте. Положил обратно — обычный хлеб тоже хорошо. Тем более как потом поступить с этой банкой?

Но на полпути от кассы засомневался. Может, взять? Замер на месте и поплёлся назад к стеллажам. Рука потянулась к ещё тёплой от его ладоней баночке. Проверил стоимость второй раз — и всё же пошёл к кассе.

Через две минуты он покинул магазин, аккуратно держа свои покупки. Ощущая ладонью то самое, ещё хранившее тепло от его рук стекло, Адриан с тревогой представил, что будет, если он уронит банку и она разобьётся. К такому исходу он был не готов, прежде всего финансово, и поэтому, сжав её покрепче, направился к скамейке, где сидел прежде. Назад он пошёл по другому пути, по его мнению, более сухому. К сожалению, новый маршрут оказался труднее прежнего. Бетонные выбоины на дорогах были заполнены лужами неизвестной глубины. Эта картина напоминала небольшой архипелаг островков в бескрайнем океане. Сухого места действительно оставалось совсем немного, прямо как в океане, а снова мочить ноги Адриан не хотел. Он всерьёз опасался простудиться, ведь болезнь для человека почти бездомного означала неизбежные расходы. Деньги ушли бы на лекарства вместо еды. А если начнутся осложнения — станет совсем скверно, ведь на ту же сумму можно было бы два раза поужинать в ресторане или купить хоть какую-то одежду...

К слову, население в государстве Z было не богатым, а в городе N — тем более. Экономика ужасно страдала

от вечной инфляции, и деньги жители видели нечасто. Зато стоимость продуктов, вещей и медикаментов оставалась неоправданно высокой, как никому не нужные небоскрёбы в центре города. Поэтому Адриан ценил то немногое, что у него имелось, и деньги бездумно никогда не тратил.

В итоге Адриан отыскал петляющий маршрут по суше и, прошагав часть пути на цыпочках, всё же добрался до лавочки. Стоит заметить, что, пока он следовал этой траектории, он всерьёз опасался поскользнуться в своих неудобных ботинках. Дело было в том, что, как уже знает читатель, их подошва имела абсолютно плоскую поверхность, не обеспечивавшую даже минимального сцепления. Ещё год назад, до переселения в каморку и до запрета на жизнь в собственном доме, он приобрёл их в обычном обувном магазине. Правда, сглупил: обувь оказалась не самого лучшего качества, а к настоящему моменту она изрядно износилась.

«Может, купить новые?» — думал он, разглядывая небольшую щель в правом ботинке.

«Хотя и так сойдёт».

Адриан перевёл внимание на хлеб и варенье, стоящие сбоку от него на мокрой скамейке. Открыл крышку — лакомство заманчиво блестело в лучах уже выглянувшего солнца.

Распаковал пакет — пахло обычно, но вкусно. Он осторожно вывалил из банки немного содержимого на ломтик.

— Проклятье! — примерно столовая ложка капнула мимо.

Он постарался отвлечься от всего негатива, понимая, что сегодня, скорее всего, пойдёт в лес и для этого нужны силы. Точнее, силы на поиски города в лесу. Впрочем, у него это получилось, но плохо, и лишь небольшая частичка его сознания была сконцентрирована на этой маленькой радости. Всё из-за Вогезского леса, будто наблюдающего и не дающего покоя. Адриан купил варенье, чтобы забыться и успокоиться, быть может, в последний раз, но не мог поесть без тревоги. Не получалось... Лес стоял над его душой, отравляя даже ту маленькую радость, которую Адриан купил себе.

Состояние его было скверным. Такое часто бывает у людей, у которых впереди намечено что-то грандиозное, пугающее или просто неприятное. У Адриана сошлось всё разом. И если обратиться к человеческой природе, подобные грядущие события напрочь блокируют внутренний покой. Нечто подобное подчинило его себе в полной мере. Вынужденный голодом, он доел уже покусанный ломтик и ещё два, а затем, бережно положив банку под скамейку, задумался. Лес пугающий, но что, если правда? Что, если получится вернуть

Лотти и вместе с ней ту старую жизнь... И более того, разве реальность не пугающая? Может быть, она страшнее леса, в котором сходят с ума.

Он так и сидел на лавочке, пока её твёрдость окончательно ему не опротивела — он больше не хотел мириться. Её жёсткость представляла собой скорее суровость настоящей жизни, нежели простое неудобство для тела. Он поднялся и повернул голову в сторону тихо стоящего леса, будто боявшегося привлечь к себе внимание. Словно он защищал от беды или молча прятал счастье. Адриан не знал. И, наверное, никто не знал.

«Будь что будет», — подумал он.

Адриан посмотрел на арку. Там, где висели буквы, краска и впрямь была чрезвычайно старой и облупленной. Неизвестно, почему он подумал об этом. Скорее всего, просто хотел отвлечься. Всё-таки слишком многое оставалось загадкой, и каждый шаг становился одним огромным шагом в неизвестность. А идти в неизвестность всегда страшно.

Глава VI «Вогезский лес»

Нельзя сказать, что история Вогезского леса — и уж тем более его возникновение — таит в себе нечто загадочное и неизвестное. Напротив, она вполне прозрачна и даже любопытна.

Когда в восемнадцатом веке здесь заложили город, большую часть его населения составляла французская аристократия. Первые дома города N были заложены в долине, укрывшейся между двумя лесными массивами. Лишь с северо-востока простиралась унылая равнина, изредка поросшая одинокими деревьями. Этот пейзаж по какой-то причине пришёлся не по душе одному французу, который сетовал на то, что вокруг «слишком много пустоты». Это был граф де Фонтенуа, глава старинного аристократического рода. Известный своей любовью к природе, ещё на родине он мог часами бродить в одиночестве среди сосен Вогезского леса. Именно там граф обретал душевный покой, поддаваясь необъяснимому и трепетному чувству.

Спустя время граф отправился за океан, в новые земли. Покидая родину, он взял с собой охапку сосновых саженцев из любимого леса, лелея надежду вырастить их на чуж-

бине. На новом месте они пришлось как нельзя кстати — граф даже пожалел, что не догадался привезти больше. Он собственноручно высадил их посреди унылой равнины. Эту затею тут же подхватили его праздные друзья, а спустя неделю необычной работой заинтересовались и полковники расквартированного поблизости полка.

Вскоре свободное пространство заполнилось множеством местных саженцев и молодых деревьев. В работе участвовал почти весь ещё небольшой город, и даже сам комендант не остался в стороне. В один из дней, осматривая посадки, он поинтересовался, чья же это была прекрасная задумка.

— Моя, — ответил граф де Фонтенуа.

— В таком случае, граф, не желаете ли вы дать имя новому лесу? — спросил комендант.

— Пожалуй.

— И какое же?

— Он будет называться Вогезским.

— Можно поинтересоваться, почему именно так?

— У меня в Эпинале был лес с таким же названием, — ответил граф.

— Тогда Вогезский?

— Вогезский.

— Вот и славно.

Лес так и называли. Но через несколько лет пришедшие в эти края англичане переименовали его в «Глимвуд», из-за чего первоначальное имя практически стёрлось из памяти жителей. Более полутора веков этот лесной массив именовался Глимвудским.

Именно в тот период пропал Хью, что впоследствии дало повод считать историю его исчезновения загадочной. Впрочем, путаница эта была лишь мнимой — те, кто искренне желал докопаться до истины, давно знали правду. И им не мешало даже то, что официальное имя лесу вернули совсем недавно: лишь несколько десятилетий назад городская мэрия приняла решение восстановить историческую справедливость. Теперь на ветхой арке у входа снова красуется его законное название, написанное по-французски: «Forêt des Vosges».

Адриан взглянул на название, и на секунду ему почудилось, что первая буква «F», чуть наклонённая назад, стоит так, будто боится продолжения себя. Боится того, что впереди неё и хочет уйти — но не может. А Адриан мог. Но он лишь провёл рукой по холодному бетону стенки арки и, пройдя под ней, пошёл вперёд.

Поначалу он чувствовал себя весьма спокойно, оставляя арку за спиной. И пока он ступал по широкой брусчатой дороге, его сердце билось. Пока что просто потому, что должно биться, — как и любое сердце. Но, выйдя туда, где дорога кончалась и ей на смену приходила узкая тропа, его сердце заколотилось от одной лишь мысли идти дальше.

Уже через километр паранойя, охватившая его, заставляла оборачиваться и озираться по сторонам. И каждый раз он видел лишь сотни деревьев, стоящих неподвижно. Вдоль них тонкой ниточкой тянулась поросшая травой тропинка, по которой он только что шагал. Адриан устремил взгляд вперёд, на ту же тропинку: ещё немного, и она окончательно растворится в густой траве. Адриан невольно замедлил шаг. Он ещё несколько раз переводил взгляд с пути впереди на тот, что оставался за спиной, словно надеялся отыскать хоть какое-то различие. Но тропа неумолимо исчезала. Сначала её скрыла

высокая трава, затем заплели корни и низкие ветви, а вскоре и вовсе перестало быть понятным, где заканчивается протоптанный путь и начинается дикая глушь. И он всё равно пошёл дальше.

Лес же, как и трава, становился гуще, и сосны с каждым шагом будто толпились и прижимались друг к другу. Адриан поднял голову — яркий лучик, пробившийся через хвойные ветки, озарил его испуганное лицо. Ещё десять минут назад солнечный свет касался лесной подстилки в изобилии. Но теперь пришла пора для темноты.

Здесь всё иное. Сосны имели необычный вид — неестественно высокие и стройные, словно мачты кораблей, они тянулись в самые облака. Их кроны, уцелевшие лишь на верхушках, отчаянно цеплялись за свет и впитывали скудное солнце. Их братья — нижние ветви — полностью опали и погибли. Как потерпевшие поражение, они лежали на зелёном мху и плесени. По соседству высились и исполинские ели. Они тоже вытягивались струной, не желая проигрывать эту безмолвную войну за выживание. Впрочем, как способные расти в глубокой тени, они умели годами стойко переносить любые невзгоды. Десятилетиями молодое дерево может покорно чахнуть под густым пологом леса, терпеливо дожидаясь, пока старый сосед рухнет и освободит ему путь к небу. И как только в кронах появляется просвет, оно делает резкий

рывок вверх, беспощадно обгоняя своих соплеменников.

Некоторые из таких гигантов стояли прямо на пути Адриана, который только изредка поднимал глаза. Всё его нутро было направлено к горизонту Вогезского леса, но этот горизонт уходил вместе с ним. Он всё надеялся что-нибудь увидеть там — может быть, свет или город. Жажда того, чтобы история с городом оказалась правдой, превосходила все его желания в данный момент. Она заполняла рассудок. И невзирая на это, если бы ему сейчас объявили о том, что город уже в ста метрах, он бы не пошёл.

Неожиданно его голову посетила не новая, но довольно тревожная мысль, что, возможно, он и впрямь сойдёт с ума. За ней следовала другая, тоже уже затёртая мысль, выражающая не просто банальное сомнение в существовании города, но и сомнение в том, что Хью в нём мог умереть. Если его тела так и не нашли, то всякое может быть.

Вдруг послышался какой-то треск, словно позади упала ветка. Он остановился — всё в порядке. И снова стал анализировать и, будто принуждённый идти за руку со своими размышлениями, продолжал медленно ступать. Долго ещё он вёл внутренний монолог, задавая себе вопросы и не в силах найти ответы. Всё его состояние напоминало болезненную и непреодолимую зацикленность.

Вскоре этот бесполезный монолог оборвал ещё один, неожиданный звук. Это был мерный, отчётливый стук, раздававшийся где-то неподалёку, в самой гуще старых сосен. Этот сухой деревянный ритм повторился несколько раз с упрямой точностью. Адриан остановился, и его взгляд почти случайно упал на виновника этого шума. На сером стволе, намертво уцепившись лапками за кору, устроился нарядный дятел. Птица с глупым упорством, не обращая ни на кого внимания, продолжала колотить клювом по дереву.

Адриан же остановился в нескольких шагах от участка, залитого мягким дневным светом. Это была светлая лесная поляна, согретая ласковым солнцем, на которой росли какие-то ягоды. Их приятный, сладко-мускусный аромат заполнил всё пространство, и густой запах кружил голову. Ведомый врождённым любопытством, Адриан наклонился к земле. Его взору открылись растущие здесь в изобилии округлые, ярко-алые шарики ягод, напоминавшие крошки рубинов. Судя по всему, это была дикая земляника. Приподняв резные листочки, он сорвал одну. Она заманчиво блестела, источая мягкое тепло. Вдохнув сладкий аромат, Адриан съел её. На пальцах остался липкий сок. Обычно подобная мелочь многих раздражает и заставляет искать воду, чтобы вымыть руки, но на Адриана она подействовала наоборот: он будто успокоился. Затем его внимание приковало странное ожив-

ление у самых ног.

Он заметил, как в густой траве пролежала настоящая миниатюрная магистраль, состоящая из маленьких муравьёв. Крошечные труженики двигались ровным и сплошным потоком. Один из них, шедший чуть в стороне от других, выглядел особенно смешно и невольно вызывал уважение. Он упрямо пятился назад, поминутно спотыкаясь, застревая в путанице упавших веток и увязая в ловушках из травинок. На себе он волок сухую сосновую чешуйку, похожую на огромный щит. Чуть правее другой муравей, не обременённый никакой ношей, на секунду замер. Он ощупал воздух чуткими усиками и молниеносно пополз вверх по стеблю одуванчика. В этих хаотичных, на первый взгляд, движениях угадывался строгий порядок великой стройки. Или, может быть, великих запасов... Со стороны могло показаться, что они суетятся, но на самом деле просто жили. И за их жизнью скрывался первозданный покой.

«Может, и не стоит ничего искать? Если тоже жить...?»
— подумал он.

Тогда над самыми верхушками сосен, крыло к крылу, пронеслась шумная стайка чижей. Птицы стремительно летели на юго-запад — туда, откуда пришёл сам Адриан. Он проводил их взглядом и, развернувшись им вслед, всмотрелся в

глубину лесной чащи.

«А если тоже вернуться?» — подумал он и застыл.

Машинально он опустил взгляд и глазами прошёлся по монмеляру — хорошая вещь, но единственная...

Он поднял голову и развернулся. Нужно идти. Шагнул. Но странно: в тот момент одно место, немного правее, на удивление показалось ему очень знакомым. Будто он уже был здесь. Должно быть, всё дело в расположении деревьев, воскресивших старые воспоминания, связанные с этим лесом... В памяти стали всплывать подзабытые эпизоды недавних прогулок в Вогезском лесу. Правда, не таких дальних. Здесь ему доводилось раза три видеть, как на поляны бесшумно выходят дикие олени, а за ними, едва поспевая, семенят пугливые оленята. В такие редкие мгновения мир для него словно замирал. Опасаясь выдать себя даже самым тихим шорохом, Адриан переставал дышать. Он превращался в изваяние и аккуратно уводил своё тело в тень крепкого дерева. Скрывшись за его толстой корой, он наблюдал за этой хрупкой гармонией, отчаянно надеясь остаться незамеченным. Но природа не прощала чужого присутствия. Они тоже замирали, прислушиваясь к невидимой угрозе. Вскидывали чуткие головы, ловя воздух ноздрями, и в следующую секунду срывались с места. Стадо уносилось вглубь леса, оставляя

Адриана с осознанием, с которым так и не смирился: за прекрасным настоящим он наблюдал издалека. И каждый раз своим присутствием он спугивал искру жизни, горящую сейчас, чего нельзя было сказать о нём. Он словно был другим и потому не мог к ней приблизиться.

Потеряв счастье, он искал утешение в природе — и, кажется, находил странный сплав зависти и покоя. Это противоречие всегда наполняло его сердце в этом лесу.

В его голове появлялись и другие образы, заставляющие его лицо поминутно меняться. Вспоминая приятное, он словно улыбался. Когда из глубин памяти вздымалось плохое, его лоб непроизвольно покрывался складками. Глаза же менялись, точно окрас осьминога: в них могли теплиться угольки, и за секунду на их месте вырастал айсберг.

Сам того не заметив, Адриан забрёл куда-то очень глубоко. Словно на автопилоте, он пришёл в место, больше похожее на полосу препятствий, чем на лес. Здесь чаща сгустилась в десятки раз, оставив сухим ветвям слишком мало места. Они цеплялись за одежду, словно пытаясь остановить человека в ней, и лезли в глаза, намереваясь выколоть их, чтобы он не видел и не продолжил путь. Ботинки тонули в

мягкой, почти болотистой земле. Только сейчас он по-настоящему втянул этот мутный воздух и почувствовал запах сырой почвы и плесени.

Он остановился, силясь сообразить, где находится и насколько далеко ушёл. Но понять было нечего. Он потерял чувство пространства и давно не видел ни дороги, ни одного широкого просвета между деревьями, который мог бы подсказать направление. Лес окружал его со всех сторон одинаковой густотой. Адриан лишь смутно помнил, что всё время шёл вперёд. В этой глуши света действительно почти не осталось — лишь редкие и узкие лучи, подобные ниточкам, пробивались сквозь кроны, падая на зелёные мхи и корни. Но один из лучиков, тонкий и почти осязаемый, касался чего-то красного. Адриан прищурился.

Алое пятно выделялось на фоне серо-зелёного мрака. Он подошёл ближе, но шаги стали грузными и тугими. Разглядев то, что стояло перед ним, Адриан оцепенел.

Из травы торчала ржавая труба с прибитой к ней табличкой. Буквы на ней были выведены от руки — размашисто и торопливо.

«ПРОХОДА НЕТ» — предупреждал ветхий, едва не падающий знак. Но краска казалась свежей. Даже слишком.

Адриан посмотрел на знак с недоумением и, отступив, медленно пошёл назад. Однако что-то не давало ему покоя, неопределимо притягивая обратно. Разумом Адриан уже остановился, а ноги сами по себе продолжали уводить его прочь. Отойдя на несколько метров, он не выдержал. Решил вернуться. Табличка так и стояла. Протянув дрожащую руку, он слегка коснулся знака. В глазах потемнело.

Она мокрая? Краска свежая... Он посмотрел на палец — но следа от краски не осталось.

— Видимо, просто руки вспотели... — прошептал он нервно-глухим голосом.

Он перешагнул за знак и пошёл в самую гущу. Лес за знаком сгустился с новой силой, обретя образ лабиринта во мраке. Деревья становились странными, словно стояли не на своих местах. Как будто неестественно кренились в стороны. Некоторые шли за ним. Тогда он оборачивался — те стояли неподвижно. Это повторилось раз, другой и третий...

Адриан продолжал идти, стараясь не останавливаться. Сделать паузу означало снова прислушаться. А ему и без того казалось, что лес слишком внимательно ловит каждый его шаг.

А лицо и ладони облепляли комары и мошки. Неужели пытаются остановить? В ушах стоял омерзительный писк этого гнуса — он давил, рождая желание идти быстрее. Но быстрее не получалось. Только сердце колотилось всё сильнее.

Сколько времени прошло, он уже не понимал. Пять минут или двадцать — сказать было невозможно. Он потерял чувство времени, так же как и пространства. Лес почти не менялся. Те же стволы, те же тёмные промежутки между ними и ветви над головой. Адриан несколько раз смотрел назад и каждый раз видел только лес. Казалось, стоило ему пройти вперёд, и деревья за спиной тут же смыкались, скрывая пройденный путь. Чем дальше он уходил вглубь, тем более затхлым и влажным становился воздух вокруг. Возможно, даже стоял пар или слабая дымка. Хотя, скорее всего, Адриану это только казалось. А он то и дело наклонялся, уворачивался и раздвигал колючие еловые ветви. Они постоянно впивались под его монмельяр, прокалывая кожу, будто наказывая за упорство. Каждое движение отзывалось зловещим шумом. Мысли о том, что где-то здесь бродит убийца, не покидали его, заставляя судорожно всматриваться в темноту перед собой. Он надеялся, что идёт к городу, но верил в это лишь отчасти. Слухи ли всё это? Вдруг это ловушка?

Но не успел он подумать об этом, как линия горизонта начала меняться. Она плавно окрашивалась во что-то светлое. Из-под еловых лап стало проступать голубое небо и мутные силуэты.

На миг он замер.

И вот уже, не глядя на ветви, он раздвигал их машинально. Его взгляд был устремлён только вперёд, а в глазах блеснул свет — что-то яркое, точно новая жизнь. Силуэты приблизились — и казалось, очистились, став ещё ярче, словно золотые столбы в раю.

Последние двадцать метров.

Ещё десять.

И вот, выбежав из леса, он увидел нечто поразительное. Голова закружилась. Ноги стали ватными, и, не выдержав, он рухнул на мягкую траву, словно поражённый молнией.

Глава VII «Неспешный вапоретто»

С трудом он поднялся с земли. Но когда сделал это, на его лице растянулась улыбка. Он не смог сдержать чувств, когда его взору открылся прекрасный город, мирно и величественно стоящий в трёх километрах. Каждое из его зданий, даже полуразрушенных, казалось Адриану произведением искусства. С замиранием сердца он прищуривался, ловя в деталях их очертания: видел, как в окнах играют яркие лучи и по дорогам тихо проезжают автомобили.

А между городом и Адрианом простиралось вдаль широкое пшеничное поле, как раз занимавшее эти три километра. Правда, не все три, так как примерно на пару десятков метров перед Адрианом расположился зелёный газон. Он будто ожидал того, как старого друга, и приглашал пройти дальше.

Но прежде Адриан обернулся. Лес, некогда дремучий, спокойно стоял, и некоторые деревья, слушаясь ветра, колыхались от его нежных прикосновений.

Тогда Адриан снова взглянул на город. Верхушки семи небоскрёбов тянулись к пушистым облакам. Кучевым облакам... Те, что проплывали прямо над головой, отбрасывали

на землю причудливые островки света и тени. И вот он ступил вперёд. Как-то робко, не веря тому, что видел. В том месте, где только что была тень, он провёл рукой по траве, но она оказалась тёплой. Даже горячей.

Вскоре ухоженный газон уступил место полю, по которому не вилось ни одной привычной дорожки. Это значило, что придётся идти прямо по добротным колосьям... Главное, без критики. Адриан её не выносил в силу своей ранимости. Он как следует осмотрелся по сторонам, но никого не заметил. Только вдалеке виднелся застывший трактор, словно стоящий над душой призрак. Фары его были направлены прямо на Адриана, и даже этот взгляд заставил его смутиться. Он усиленно пытался разглядеть, есть ли кто-либо за рулём, но тщетно. Впрочем, это неважно. Главное, что нашёлся благословенный город под солнцем. Солнце и впрямь стояло в ясном небе и безжалостно палило бесконечную равнину, скованную плотным, изнуряющим зноем. Раскалённый воздух над полем заметно дрожал, размывая чёткую линию горизонта зыбким маревом. Белое золото колосьев казалось почти неподвижным под палящими лучами солнца, выцветшего от полуденной жары до мертвенно-белого оттенка. Редкие и короткие выдохи ветра лишь слегка беспокоили верхушки колосьев, пуская по сухому песочному морю едва заметную глазу рябь. Иногда от лёгкого дуновения какой-нибудь из перезревших колосьев беззвучно надламывался под соб-

ственной тяжестью и склонялся к иссушенной земле, вздымая крошечное облачко тёплой пыли, словно брызги волн. Стебли тёрлись друг о друга, издавая чуть слышный шуршащий звук, действительно похожий на шёпот моря. И в этом фоновом шёпоте исполняли свои песни кузнечики, точно сирены и нимфы, окружённые густым запахом перегретой соломы. Для них это поле было огромным домом, до краёв налитым спелостью и ждущим первого удара косы. Они точно не ждали Адриана, грузно шагающего прямо по ним. А тот заметно торопился — не только из-за критики, но и, разумеется, из-за города. Не терпелось ему поскорее прийти туда и выяснить, какого он конкретно времени. Но очень обрадовался, когда с ним произошло следующее:

Пока ноги торопливо неслись вперёд, глаза его гуляли по этажам небоскрёбов в центре. Он осматривал их снизу вверх и обратно — сверху вниз. Только теперь, поймав взглядом странный излом солнечного света, Адриан заметил едва уловимую деталь. Верхняя часть одного из дальних небоскрёбов всё ещё зияла тёмной пустотой — ей не хватало привычного блеска окон. В реальности его фасад полностью одели в стекло около трёх лет назад. Увиденное натолкнуло Адриана на мысль, что город, к которому он теперь шёл, именно из того времени, чему был чрезвычайно рад. До этого момента его скепсис превышал обычный, но теперь он знал точно, что это место ему понравится.

От этой уверенности Адриан перешёл на бег. И вот он уже мчался, как ребёнок, с такой улыбкой, будто сейчас заплачет. Сердце выколачивалось из груди и вместе с тем замирало. Невероятное волнение! Дыхание сбивалось. Он вдыхал воздух и чувствовал пыльный запах пшеницы. Стебли расступались в стороны перед ним, пока он пробирался сквозь них вперёд, но Адриан не замечал. В поле его зрения оставался только город — окутанный тёмной рамкой, словно виньеткой. Ещё немного — и он добежит.

Уже в двухстах метрах от города Адриан мог различить модели редких здесь, солидных автомобилей — как припаркованных, так и проезжающих.

— Это же жёлтый Lotus Elise! — воскликнул он, заметив машину на парковке.

Через минуту он остановился у той самой парковки, пытаясь перевести дыхание. Но стоять на месте казалось невозможным — жгучее нетерпение подгоняло его вперёд. Ему отчаянно не хотелось медлить, и жажда поскорее узнать этот город заглушала любые тревоги. Он просто не мог не радоваться.

Он ещё стоял, положив руки на колени, когда из-за дома

слева вылетела блестящая машина — красный Aston Martin. Адриан услышал, как рычит мотор, когда машина пронеслась совсем близко. Этот благородный звук он помнил до сих пор.

У него самого был Aston Martin, правда классического, тёмно-зелёного британского оттенка. Цвета, по мнению Адриана, весьма солидного, породистого, гоночного. Цвет успеха. И эта успешная машина должна быть где-то здесь, в этом городе!

Адриан проводил уезжающий автомобиль тем самым старым добрым оценивающим взглядом, каким раньше оглядывал машины своих друзей. Он всегда беззлобно и по-мужски посмеивался над марками своих менее удачливых друзей, а те в ответ остроумно поддевали его.

Между тем автомобиль, мигнув поворотником, свернул и скрылся за изумрудными кустами можжевельника. А Адриан так и продолжал смотреть туда, замерев от прилива тёплой ностальгии. Через минуту он сорвался с места, движимый желанием всё успеть, хотя его никто не торопил. И в этом спешном порыве он походил на жадного человека, приехавшего в отель, где «всё включено».

А шёл он, широко разинув глаза и постоянно оглядываясь

по сторонам. Он даже причмокивал от того, насколько здесь всё прекрасно. Это был тот же самый город, но залитый таким тёплым светом воспоминаний, что всё вокруг казалось совершенно другим.

Так он миновал две улицы и вскоре оказался на известном проспекте Алказар. Здесь не теснились небоскрёбы и люди в пиджаках, но суeta кипела почти такая же, как в самом центре. Сейчас этот проспект купался в солнечных лучах, нагревавших асфальт. В настоящем Алказар давно не такой. Да, прохожих на нём было по-прежнему немало, но ходили они не под солнцем. Серый и мрачный Алказар — вот каким Адриан запомнил его в своей новой жизни. Но теперь он будто перенёсся внутрь забытой картины, вновь ожившей и отреставрированной. Адриан улыбнулся, чувствуя себя частью этого счастливого городского пейзажа. Одним из его мазков.

Живо, точно ребёнок, он рассматривал всё вокруг. Его глаза бегали по зданиям и вывескам, цеплялись за автомобили и знакомые логотипы, а порой подолгу задерживались на спинах обычных незнакомцев. Свернув на более узкую, мощённую брусчаткой улицу, Адриан продолжал бросать вокруг любопытные взгляды. Так, он случайно заметил одно здание, многое для него значащее. В его глазах загорелось нечто тёплое. Даже теплее прежнего. Он наткнулся на знакомую кондитерскую, хотя совершенно не ожидал, что этот

случайный поворот приведёт его именно к ней.

Здание кондитерской выглядело словно ветхий деревенский домик, чудом перенесённый сюда и выкрашенный в белый цвет. От времени краска на фактурных досках пошла глубокими трещинами. Они обнажали серое, иссушенное солнцем дерево, но это ничуть не портило его вид. Напротив, казалось, будто всё так и было задумано. Особого внимания заслуживала крутая крыша: довольно асимметричная и немного сдвинутая в сторону, она напоминала шляпу сказочного героя. К тому же её покрывала черепица с неровными краями. Весь этот образ выглядел необычно и даже немного нелепо. И всё же грех утаить, что, вопреки своей неказистости, в этой кондитерской посетители всегда толпились в огромных очередях. Это Адриан увидел и когда вошёл внутрь. Однако быстрее глаз отозвалось обоняние: помещение заполнял восхитительный аромат кофе, корицы, тёплого молока и карамели. Эти запахи заставляли любого забыть об обветшалом фасаде здания, если он кого-либо смущал.

Пол под ногами состоял из широких, гладко выструганных половиц, выкрашенных в сливочный цвет. Потолок подпирали массивные и светлые дубовые балки, наверняка давно потерявшие собственный древесный запах. Адриан подумал об этом из-за странного желания понюхать их.

Стены были обиты белыми досками, такими же, как снаружи. Эта деталь гармонировала с большими окнами, отчего зал казался светлым. Через одно такое большое окошко, чуть приоткрытое, проскальзывал слабый ветерок. Он струился над головами посетителей за столиками и касался блестящей витрины, стоящей посреди зала. Она была безупречно чистой, сделанной из тонкого стекла, и напоминала прилавок в дорогом ювелирном магазине. Но вместо золотых украшений на подложках лежали десерты.

Пышные эклеры лоснились от густого шоколада, а из черничного пирога вытекал тёмный сок. Увесистые тарты с инжиром выстроились в ряд с разноцветными макаронами. Адриан глядел на всё это без удивления — раньше он заходил сюда едва ли не каждый день. Знакомое место вызывало в нём лишь тёплую ностальгию и лёгкую зависть. Зависть к прежнему себе, ведь теперь всё стало иным. В эту кондитерскую он не заходил никогда после смерти Лотти. Они всегда сидели здесь за пятнадцатым столиком, и Адриан даже не осмелился посмотреть в его сторону. Так и не посмотрел — он пришёл не для того, чтобы грустить.

Читатель, естественно, ещё не знает, что улица, на которую повернул Адриан с проспекта Алказар, вела прямоком к городской набережной. Выйдя из кондитерской, он напра-

вился именно туда. Там было весьма красиво, как часто бывает на городских набережных. Но её примечательной деталью, заслуживающей упоминания, оказалась не красота, а один момент, произошедший здесь с Адрианом. Совсем нечаянно он, кажется, встретил человека — своего друга, умершего два года назад. Это был один из его самых близких друзей, с которым они часто смеялись, как раз-таки по поводу взаимных шуток о машинах. Когда Адриан увидел его, идущего навстречу, сердце вновь ощутимо забилося.

— Генри! Это ты? — спросил Адриан.

— Да, я. Не повысили ещё? — поинтересовался Генри.

— Нет. Хотя я проектировал библиотеку на Френсис-стрит, но так и не дождался повышения.

— Ничего, Адриан. Повысят. Это дело времени.

Услышав слово «времени», Адриан чуть вздрогнул.

— Разве ты не знаешь, что я так и не дождался?

— Чего?

— Повышения.

— Нет. Откуда мне знать?

Тогда Адриан на мгновение замолчал и отвёл взгляд, словно решаясь задать один щепетильный вопрос.

— Извини, Генри, — начал он, — но ты умер два года назад. Ты в курсе?

Генри недоверчиво посмотрел на него.

— Ты в себе? — спросил он.

— Что?

— Кто умер?

— Ну ты. Генри, ты умер...

— Ты меня с кем-то спутал?

Тогда в голову Адриана пришла мысль. Скорее всего, здешние жители живут в прошлом, но для них это настоящее, которое неподвластно нынешней реальности. Они ничего о ней не знают. У них свой мир. Возможно, нерушимый. Хотя бывает ли что-то нерушимое?

— Встретимся сегодня вечером? Так давно не виделись,
— попросил Адриан, ещё не зная зачем, но понимая, что это может пригодиться.

— Я не против, брат, но мы общались с тобой вчера.

— В смысле?

— Я заходил к вам на ужин. Вы с Лотти пригласили меня к себе, мы отведали свиные рёбрышки, а потом я рассказывал вам анекдоты.

— Правда?

— Адриан, я вижу, ты сошёл с ума. То говоришь, что я умер, то не помнишь, что было вчера.

И тут в памяти Адриана живой вспышкой воскрес тот самый ужин. Всё прояснилось, словно действительно случилось вчера.

— Да и изменился ты немного, — продолжал Генри. — Какой-то уставший. И зачем-то этот монмеляр нацепил. Где ты такой нашёл?

— Поговорим вечером, Генри, — произнёс Адриан.

— Хорошо. Давай на старой веранде, на набережной возле тихого пруда?

Адриан кивнул. Он хорошо знал это место.

— Тогда до встречи, Генри, — попрощался он и, махнув рукой, свернул в глубину города, немного задумавшись.

Причиной его задумчивости стал разговор, который показался ему весьма странным и натолкнул на вопрос: можно ли вообще с уверенностью заявить, что прошлое здесь идёт по точному сценарию прошлого? Ужин с Генри, казалось, доказывал это. С другой стороны, в реальном прошлом Генри не встречал Адриана на следующий день. В таком случае, если прошлое в этом месте так пластично, есть ли вообще вероятность, что сама Лотти с ним из прошлого до сих пор живёт в доме на улице Ламартин? Может, они переехали? Если так, то как их вообще найти? Однако эти вопросы, по сравнению с пережитым сегодня, показались ему вполне решаемыми.

Адриан продолжил свой путь по набережной и уже подходил к колесу обозрения. По традиции оно было белым и высоким, с прозрачными кабинами. Он хотел было пройти дальше, но вдруг остановился.

«Почему спицы расположены под таким углом?»

Он несколько секунд смотрел на конструкцию, затем нахмурился.

«Хотя нет... При боковой нагрузке иначе нельзя».

Он продолжал стоять на месте и бормотать себе под нос, рассматривая и другие детали. А встал он прямо посреди дороги, и проходившие мимо люди уже начинали недовольно на него поглядывать. В итоге один мужчина средних лет поинтересовался, по какой причине тот остановился в столь неподходящем месте.

— А-а-а, вы, наверное, родных ждёте? — предположил он.

Адриан сразу ощутил себя каким-то не таким. Но когда он поставил мужчину в курс дела и признался, что одинок, тот извинился. И всё же показал пальцем на реку и зелень вокруг и заявил, что лучше восхищаться по-настоящему прекрасным, а не механизмами. Также рекомендовал найти девушку и ухаживать за собой, в частности за одеждой. Собственно, Адриан для этого всего и вернулся.

Когда назойливый мужчина наконец оставил его в покое, он продолжил глядеть на колесо — как на красивую, но наполненную глубоким смыслом картину. Конечно, как человек чувствительный, он подмечал и красоту этого механизма. Но в первую очередь он видел механизм и задавался вопросами. Порой он думал и не мог найти решения какой-либо проблемы, отчего друзья подмечали в нём так называемый паралич анализа. Всё из-за инженерных привычек. Факультет промышленного и гражданского строительства он когда-то окончил с отличием. С тех пор мир, кажется, так и не перестал подсовывать ему задачи. Это иногда мешало просто расслабиться и отдаться прекрасным мазкам художника. И в буквальном смысле тоже...

Раньше, приходя в музей с Лотти, он невольно замечал скрытые образы. И пока она стояла с открытым ртом, он раздумывал над смыслами.

Так, например, однажды на экскурсии по музею Берггрюна в Берлине они подошли к одной картине середины XX века. Это была, пожалуй, лучшая работа французского авангардиста, и называлась она «Вечерняя трапеза».

На холсте был изображён карнотавр. Он выглядел как монументальная машина из чёрных и ржаво-коричневых квадратов с треугольниками. Карнотавр занимал центральное ме-

сто на этом полотне, полностью лишённом плавных линий. Одна нога ящера, словно бордовая балка, упиралась в тело добычи — поверженного трицератопса. Его знаменитый воротник, разбитый на острые плоскости, напоминал листы согнутой броневой стали. В свою очередь, трёхрогая морда кистью художника была превращена в хаотичное нагромождение серых кубов и пирамид, лежащих на боку. Между двумя ящерами растекалась алая лужа, создававшая идеальный акцент на мрачном фоне. Стоит подметить, что она тоже напоминала квадрат или россыпь красных ромбов. На заднем плане цвели угловатые доисторические папоротники. И над этим древним миром светило багровое солнце, выполненное в форме ровного диска.

Именно так видел работу художника Адриан. В ней он пытался понять, по каким геометрическим правилам великий Шарль Лю Пико распределил объекты на холсте. Он рассматривал направление мазков, толщину слоёв краски и то, как ложился свет. Думал, какую кисть мастер взял сначала и почему выбрал именно те цвета. Для Адриана это было решением производственной задачи, которую, кстати, он так и не решил.

Если вернуться к самому Адриану, то теперь он, оставив колесо за спиной, направился в сторону речных трамвайчиков. Казалось, целую вечность он не катался на чём-то по-

добном. Поинтересовавшись стоимостью билета, он захотел доплыть ещё сильнее. Дело в том, что стоил билет жалкие два фолы, и плыл трамвайчик как раз в сторону района, где они жили с Лотти. А идея доплыть, а не дойти до неё, показалась ему чрезвычайно приятной.

Даже не мешкая, он оплатил билет и уселся на свободное место. Сам трамвайчик напоминал нечто среднее между венецианскими вапоретто и бангкокскими речными лодками. Естественно, здесь они больше походили на бангкокские из-за своей примитивности. Воздух внутри был тяжёлым и влажным, пропитанным запахом речной воды, старого пластика и чего-то машинного, исходившего, по всей видимости, от двигателя. Адриан, однако, не обратил на это внимания. Ему нравилось уже то, что он сидит и никуда не идёт, поскольку и так много ходил сегодня. Грела мысль, что через несколько минут этот маленький речной трамвайчик сам отвезёт его туда, куда нужно.

Судно ещё стояло у причала, слегка покачиваясь на воде. Сидя у окна, Адриан смотрел на реку, думая, что с берега она казалась немного другой. Отсюда город будто потерял часть своей тяжести. Дома больше не громоздились перед ним стенами, улицы не заставляли выбирать направление, а люди на набережной выглядели так, словно двигались невероятно расслабленно. Наконец двигатель загудел гром-

че. Адриан невольно улыбнулся. Трамвайчик медленно оттолкнулся от берега. Через несколько секунд город действительно начал двигаться.

Дома у набережной были старыми, как и она сама, поэтому они лепились почти вплотную друг к другу, что считается классикой для подобной застройки. Вытягиваясь вдоль воды неровной линией, они лишь изредка открывали взгляду узкие проходы, лестницы и небольшие дворики, которые с трамвайчика было едва видно. На некоторых балконах сушилось бельё, другие оставались совершенно пустыми. Время от времени среди жилых кварталов появлялись старинные постройки с высокими окнами, небольшие кафе и магазины. Затем всё снова сменялось одинаковыми фасадами, тёмными крышами и редкими деревьями, склонившимися над водой. Город двигался медленно и спокойно, словно не трамвайчик плыл вдоль него, а сам он оставался неподвижным, пока улицы и дома проплывали мимо. Впрочем, пребывание Адриана на трамвайчике оказалось не таким захватывающим, как он рассчитывал. Поэтому нет ничего страшного в том, чтобы пропустить большую часть его пути и встретить его уже на берегу.

Он благополучно покинул судно и остался доволен тем, как славно добрался до этого местечка. Оно оказалось уютным — в смысле природным и зелёным, — так что у него

даже поселилось чувство, будто вышел он в парке. Через две минуты Адриан осознал, что и впрямь вышел не там, где следовало, а трамвайчик уже уплыл.

Как бы то ни было, настроения расстраиваться из-за таких пустяков у него не имелось. После этой замечательной речной прогулки Адриан торопливо, чуть ли не бегом, направился к своему дому. Ещё на судне к нему вернулись некоторые вопросы. Мысль о том, что Лотти могла переехать, всё же не давала покоя, и совершенное блаженство могло прийти только с проверкой. Поскольку он ошибся остановкой, такая скорость оказалась как нельзя кстати.

Ему хотелось оказаться на месте как можно скорее, и это ему отчасти удалось: миновав всего один квартал, Адриан уже шёл по спокойной и тенистой улице.

Глава VIII «Память»

Эта улица, больше похожая на сельскую дорогу из-за полного отсутствия домов, называлась Шатоден. Теперь Адриан ступал медленно, поскольку успел изрядно запыхаться. Пустынный пейзаж позволял не спешить. И не только. Так как вокруг не было ни зданий, ни жилых построек, он шёл в любимой им полной тишине, чутко прислушиваясь к собственным шагам. Ботинки с хрустом почти утопали в гравийной дорожке. Справа от неё росли высокие деревья с густыми кронами, отбрасывающими тень на путь впереди. Незвестно, о чём думал Адриан, но, скорее всего, на дорогу не глядел. Его мысли были намного дальше и неслись вперёд — в то место, куда сейчас направлялся.

Иногда по левую сторону от дороги неслышно проезжали машины. Так, мимо плавно скользнул серый автомобиль. Адриан проводил его глазами, и взгляд застыл на гладко выложенном чёрном асфальте и оранжевой разделительной полосе, нанесённой словно вчера. Он вдохнул и, к своему удивлению, только сейчас почувствовал резкий запах горячего битума и тяжёлых смол, сразу вызвавший ностальгию по прекрасному. Но почему-то прекрасное всегда потерянное... или наоборот.

Адриан поднял голову, и лучик света залил янтарём его карие глаза. Щурясь, он разглядел в ветвях деревьев птичьи гнёзда — оттуда доносились щебет и жалобные крики птенцов. По самым крючковатым веткам дубов и лип прыгали зяблики.

Тогда по его телу пронеслось давно забытое тепло. От пальцев ног до макушки его объяло что-то волшебное, и внутри всё растаяло. Немногие мысли куда-то убежали и сгнули прочь, оставив его наедине с этой идиллией. Над ним улыбались облака в голубом небе, и лес справа смеялся вместе с ветром. Поле по левую сторону дороги мирно наблюдало. На сердце стало легко, и сверху пролетели птицы. Его потянуло полететь с их стайкой, но не улететь отсюда, а просто пролететь над городом, некогда любимым.

Он моргнул, и во тьме век вспыхнул монастырь. Тот самый, на лесной опушке. Он стоял за городом... Там всегда было свежо, даже когда светило солнце. За монастырём текла река — она журчала день и ночь, и кристальная вода, перебирая гладкие камушки, читала небылицы. Перед ветхими дверьми монастыря зелёным ковром лежали холмы с пёстрыми искрами. Весь тот день и опушка утопали в летней зелени, и повсюду раскачивались луговые цветы от дыхания ветра. Ветер вдыхал ароматы пыльцы и разносил их на своих

руках по всей округе.

И вот Адриан в памяти снова подошёл к маковому цветку и провёл пальцами по бархатному лепестку. Но тот оторвался, и Адриан, глядя на него с какой-то грустью, отпустил. Лепесток полетел над другими маками, и те склоняли свои кровавые головки, словно почитая погибшего. А Адриан стоял и смотрел на содеянное, точно палач, нечаянно причинивший вред живому.

И в том дне была Лотти. Она заворожённо глядела на него, затем перевела взгляд на цветы и снова посмотрела на виновника. Адриан тоже неотрывно глядел на неё, и та смущённо засмеялась.

— Что ты так смотришь на меня? — спросила она.

— Это ты, смотришь... — ответил Адриан.

Она протянула ему свою нежную ладонь и вдруг подняла взгляд. Пальчиком она показала куда-то в сторону — там мальчик-пастух в соломенной шляпе гнал стадо коз! Она улыбнулась по-детски и, прикрыв свою улыбку рукой, повела его посмотреть поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.